

22:22

ТАТЬЯНА СТОРМ

Нравится: 3726

16+

Татьяна Сторм

Госпожа и её Владелец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67793817

SelfPub; 2022

Аннотация

«ГОСПОЖА И ЕЁ ВЛАДЕЛЕЦ» – это пёстрый, увлекательный, остроумный роман, в котором смешались классическое повествование и модернистская пародия, социальная ирония. Автор зафиксировал панораму современной жизни от Москвы до города «С» с узнаваемыми персонажами: красотка из соцсетей, толстосум и новая Пассия, домработница, директор школы и учитель истории, брошенка с прицепом и даже Доктор ХУ. Колоритные страсти кипят на благотворительных балах, в школах, судах и предвыборных дебатах.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	33
Глава 6	43
Глава 7	57
Глава 8	68
Глава 9	79
Глава 10	91
Глава 11	108
Глава 12	120
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Татьяна Сторм

Госпожа и её Владелец

Часть 1

*И разориться из любви к поэзии – это честь.
О. Уйальд «Портрет Дориана Грея»*

Глава 1

В которой мы знакомимся с Госпожой Зариной и её Домом На Облаках

Госпожа Зари́на покинула свою постель из нежно-голубого перкаля и подошла к окну. Огромное – оно полностью занимало стену комнаты: в нём то вспыхивали утренние зори, то разливались закаты, то серебрился свет луны. Однако переменчивое осеннее небо всё реже выводило на стеклянном холсте рубиновые рассветы, всё реже разбрасывало по нему морозно-синие звёзды, но всё больше туманило вид холодной тоскливой моросью. Если смотреть вниз из пентхауса Госпожи, венчавшего собою двадцатипятиэтажное московское строение, то взору открывался бескрайний океан об-

лаков. Летом – клубящийся, воздушный, как белоснежное суфле, зимой и осенью – тяжёлый, плотный, будто кремовый слой давно просроченного пирога. Из-под серой взвеси доносился мерный гул, говоривший о том, что внизу существует жизнь. Приглядевшись, а ещё лучше – вооружившись биноклем, можно было различить змейки дорог, вереницы автомобильных фар, бледную подсветку зданий. Летом в хорошую погоду город просматривался резче, голоса птиц, сигналы машин звучали ярче, гул в доме Госпожи Зарины становился звенящим, беспокойным, и тогда она покидала своё жилище, предпочитая шуму московских улиц тихий рокот морского прибоя.

Надетая на Госпожу сорочка из легчайшего батиста оттенка «шампань» ниспадала полупрозрачными фалдами, сквозь которые, будто очерченные акварелью, проглядывали изгибы стройного выразительного тела. Густая же копна тёмных волос выделялась драматичным пятном на нежном полотне, свидетельствуя о сложном характере их обладательницы: скрытном, хотя вместе с тем быстрым на эмоции, и заносчивым, в том смысле, что – читатель не раз сможет в этом убедиться – Госпожу то и дело заносило, а туда или нет – вопрос дискуссионный.

В дверь спальни постучали – вошла крепкая, на зависть работающая горничная в форменном голубом платье и белом переднике, точь-в-точь из фильма «Прислуга». Удерживая на подносе чашечку кофе с куполом свежей молочной пенки,

она поприветствовала хозяйку с весёлостью человека, который уже давно на ногах.

– Проснулись, Госпожа? Вот, взбодриться вам, добренького утречка!

Госпожа развернулась, не спеша сняла со спинки бархатного кресла шёлковый халат, накинула его поверх сорочки и молча протянула руку за чашкой. Горничная (звали её Клавуней, а иногда Клавой, а иногда и Клавкой) ничуть не смущилась отсутствием от хозяйки обратной связи, всякие там «спасибо» и благодарственные кивки, возможно, и были желательны, но в агентстве ей давно разъяснили, что бытовое равнодушие хозяев – не просто издержка субординации, а разумный нейтралитет, на котором строится долговременное сотрудничество: чем больше нейтралитета, тем надёжнее место, вот и у Зарины Клавуня работала уже шестой год. Правда, нельзя сказать, что Госпожа всегда вела себя отстранённо, у неё случались и всплески болтливости, и доброго расположения. Отставив поднос, горничная принялась энергично взбивать подушки и застилать постель. Наградив тяжёлое бархатное покрывало финальными поглаживаниями и вопросительно взглянув на Зарину – не будет ли каких распоряжений, – горничная со словами «к завтраку, Госпожа, всё готово, поешьте курласан, пока горячий» удалилась из комнаты.

«Курласан» (так бестолковая служанка упорно величала круассан) всегда подавался к завтраку несмотря на кало-

рии. Дело в том, что Зарина никогда его не доедала, только два-три раза надкусывала, круассан был ей необходим для настроения и антуража, отчасти романтического, отчасти аристократического. Припудренный полумесяц выкладывался обычно на розовое с золотым горохом блюдец, дно которого устилалось кружевной салфеткой, рядом непременно выставлялись тонкая фарфоровая пиала с малиной и голубикой, серебряный кофейник, молочник, десертные ложечки, апельсиновый сок в муранском стекле и несколько штук кантуччини. Изысканная композиция фотографировалась, пропускалась через фильтры и выкладывалась в Инстаграм¹ с мотивирующим текстом. Грядущий день, при всей насыщенности ожидаемых событий, не нарушал традиций, поэтому, выпив кофе в спальне, Зарина отправилась следом за Клавушей в гостиную, к неизменному круассану.

Просторная светлая гостиная, казавшаяся тем более просторной и светлой из-за необъятных окон, делилась на зону кухни с белой мебелью, белым мраморным полом, обеденной частью с причудливым дизайнерским столом и зону досуга с телевизором, вместительным белым диваном и белым роялем с функцией Piano Disc. Там же разместился и столик кофейный, где обычно сервировался завтрак. Привычными движениями Госпожа Зарина подправила натюрморт, протянула к круассану левую кисть (рубин на указательном

¹ Организация признана экстремистской, деятельность на территории РФ запрещена

пальце сочетался с оттенком ягод в фарфоровой пиале), выхватила камерой телефона нужные ракурсы и нащёлкала десяток фотографий. Затем выбрала лучшую и сочинила надпись: «Я всегда стараюсь найти время для того, чтобы успокоиться, посмотреть вокруг и внутрь себя и ощутить, что вокруг так много вещей, за которые следует быть благодарной. Так много вещей, которые делают нашу жизнь ярче, интереснее и более волнующей. Мы становимся счастливыми, когда обращаем внимание на эти маленькие вещи, когда ценим их. Но самое большое сокровище – это ЛЮБОВЬ! Чистая и безусловная. С любви начинается счастье! Счастье начинается с любви к себе! Берегите любовь, учитесь принимать жизнь в её мелочах, учитесь быть здесь и сейчас! Учитесь ценить настоящее!» – и – вуаля! Фото в ленте!

С беспокойством следила Зарина за лайками. Триста пятьдесят тысяч фолловеров – наследие ещё недавней яркой светской жизни, – и вот никаких новых за последние месяцы, напротив, пара десятков тысяч отписались, есть над чем задуматься. Госпожа Зарина чувствовала, что ей становится всё труднее поддерживать имидж благополучной светской львицы. Честное слово, ей уже нечем похвастаться в «сторис»! Всё реже получает она приглашения на статусные вечеринки и рауты за исключением благотворительных балов.

Прошёл уже год, как она рассталась с Любимым, главной удачей её жизни, Петром Корзуном, миллиардером, чьё имя не является известным широкой массе, но чьи капиталы

имеют значение для большей её части. Разумеется, упомянутый коммерсант имел благопристойный фасад, состоявший из официальной жены и двоих детей-подростков, но также и полный карт-бланш на параллельные отношения с эффектной красавицей. А Госпожа Зарина таковою, безусловно, являлась, и хотя она повстречала свою удачу будучи двадцатидевятилетней девушкой, индустрия молодости способствовала тому, чтобы красота её не только не уმაлялась с годами, но расцветала ещё больше. Губы её стали полнее, скулы острее, брови ровнее, зубы белее, волосы шелковистее, овал лица благороднее, фигура подтянутее. Другими словами, Госпожа Зарина обрела ту породистость, которая наряду с дорогими статусными нарядами делала её частью светского мира первой величины. С внешностью менялась и её манера держать себя. Это была уже не робкая дева, угождающая властелину каждым своим движением, доказывая своё право быть рядом с ним, а знающая себе цену Гранд Дама, умеющая вовремя сказать, вовремя промолчать, торжественно расцеловаться в щёчку, изящно пожать руку, лучезарно улыбнуться без намёка на дальнейшую дружбу и с намёком на неё – в зависимости от обстоятельств. Тогда же, на волне успеха, Госпожа Зарина решила сделать из своей фамилии имя. Дело в том, что Зари́на первоначально была фамилия с ударением на первый слог, в которой её хозяйке слышалось неблагозвучие: что-то от «зариться», «позариться», иными словами «позавидовать», а Госпоже Зари́ной хотелось звучать благо-

родно, изысканно, без намёка на человеческую слабость. Она долго думала, как быть, пыталась даже взять девичью фамилию матери Соколова, но вдруг к ней пришла идея переставить в фамилии Зарина ударение на второй слог – Зари́на, – и фамилия зазвучала. Теперь в ней слышались рассветы и зори, ощущались жаркие лепестки беспокойного пламени, благоухание восточных вечеров, но всё же Зари́на мало походило на фамилию, а больше на имя – так, Зари́на стало именем, а Госпожа – фамилией.

Почему вдруг «Госпожа», спросит удивлённый читатель, а почему бы и нет? Во-первых, на нашу героиню повлиял один чудовищно длинный исторический сериал, а во-вторых, Зарина ощущала себя Госпожой – и этого было достаточно. В общем, наша героиня стала Госпожой Зариной не только по своему изволению, но и по паспорту, и в конце концов забыла имя, данное ей матерью при рождении.

С новым именем Госпожа Зарина обрела ещё большую уверенность и ещё большее достоинство. На лице её всегда присутствовала загадочная полуулыбка, готовая превратиться в снисходительную или искреннюю в зависимости от ситуаций и людей, с которыми Зарине выпадало общаться. Она отточила выгодные фоторакурсы, овладела темами светских бесед и свободно могла обсудить преимущества того или иного курорта, достоинства разнообразных вин и драгоценных камней, особенности обслуживания и содержания бизнес-джетов и яхт, она была в курсе самых свежих модных

веяний и трендов. В последнем Госпожа Зарина настолько преуспела, что стала иконой стиля, так называемой it-girl, стремительно набрав сотни тысяч фолловеров с минимальной накруткой. Часто Госпожу Зарину можно было видеть на страницах светской хроники, Интернет содержал немало её фотографий со стрит-стайл looks, даже глянцевого журналы не раз публиковали фэшн-образы Зарины с репортажей неделей мод. Всё это так вдохновило Госпожу, что она разработала собственную марку элитных вечерних нарядов и уже готовилась к запуску проекта, как вдруг Любимый переметнулся к другой.

По большому счёту, кроме семилетней разницы в возрасте, новую фаворитку мало что отличало от Зарины: те же скулы, те же губы, те же брови, зубы те же, но одно существенное преимущество у неё, конечно, было. Девчушка, ещё вчера мечтавшая покорить хотя бы миллионера, встретила вдруг миллиардера! Ухаживания богача воспринимались теперь ею даром небес, сам он – божеством, подарки его вызывали щенячий восторг, экстаз, упоение, подобострастие, счастье до визга. Другими словами, эта женщина реагировала именно так, как любят и ценят богатые. А у Зарины в послужном списке уже значились состоятельные партнёры, их круг общения в конечном итоге привел к знакомству с миллиардером, потому она недолго играла роль благодарной девочки, слишком быстро начала подчёркивать свою значимость и принимать подарки с гордым ощущением того, что

достойна их. К тому же её решение выпускать собственную линию дорогой одежды (за миллиардерский, впрочем, счёт) было продиктовано желанием поднять планку в отношениях с Любимым, пусть он видит, что она талантлива и способна зарабатывать сама. Но обстоятельства сыграли против неё.

Госпожа Зарина поднялась из-за стола, по-прежнему не глядя на Клауню, которая, тихонько снимая пыль с рояля, краем глаза следила за утренней трапезой хозяйки и теперь молниеносно очутилась рядом, чтобы убрать посуду и натереть столик до блеска. Зарина охватила взглядом пространство – широкое, с высоченными потолками, великолепно оформленное, – и чувство удовлетворения, и вместе с тем тревоги отразились на её лице. Да, с одной стороны, всё было не так уж плохо, от миллиардера ей достался роскошный пентхаус и престижный автомобиль, но дорогое имущество требовало содержания, равно как и наличие горничной, от которой Госпожа не хотела отказываться (Клауне была выделена отдельная комната для постоянного проживания), а деньги тратились те, что она успела скопить за время пребывания с Любимым, стоит ли говорить, что банковский счёт, не будучи внушительным, стремительно истощался?

Гардероб Зарины был набит платьями, пальто, сапогами, туфлями, жакетами, брюками, куртками, жилетами, кардиганами, шубами и, разумеется, сумочками доверху, но, с другой стороны, Зарине как иконе стиля нужно было регулярно приобретать что-то из must-have новых коллекций, пуб-

ликовать фото актуального look'a прежде других it-girls, равно как посещать недели мод в европейских столицах, наряжаясь во всё самое трендовое, а сейчас это становилось затруднительно. Голова Госпожи просто разрывалась от разных «как»:

Как из бизнес-джета пересесть в обычный бизнес-класс или, что уж совсем печально, эконом?

Как поменять пятилетнюю Бентли на новую?

Как отдыхать на островах хотя бы два раза в год?

Как дарить подругам с их успешными супругами эксклюзивные подарки, если вдруг те пригласят её отметить дорогое им событие?

Поддерживать прежний уровень жизни для Зарины было крайне важно, иначе это становилось публичным признанием в проигрыше, а к этому Госпожа ничуть не была готова. Скрепя сердце она тратила свои накопления, всякий раз утешая себя, что трудности не вечны, когда-нибудь они закончатся, наступит белая полоса, но ситуация и не думала меняться: Любимый выгуливал новую Пассию, та в свою очередь блистала на страницах модных изданий с ещё большим размахом, подруги избегали приглашать Зарину на вечеринки, где присутствовали их мужья и любовники, а звали только на девичники, сама Зарина так и не обзавелась своим делом, позволяющим ей на равных держаться с высоким кругом независимо от наличия у неё статусного покровителя. «Я и есть стареющая Бентли, – с горечью думала Зарина, – когда

я познакомилась с Петей, мне было двадцать девять, а теперь тридцать пять, а скоро... уже совсем скоро исполнится...»

Читатель, здесь я возвышу голос, до этого говоривший с тобой весьма деликатно, возвышу, насколько позволяет мне хронический тонзиллит (весной и осенью у меня всегда обострения), для того чтобы подсказать тебе, какая цифра следует за тридцатью пятью, потому что цифра эта далеко не тридцать шесть и даже не тридцать семь. Давай посмотрим на ситуацию объективно. Если тебе, к примеру, сорок лет и больше, но при этом ты не владелец бизнес-джетов, яхт и вилл, то есть ты из тех смертных, что ходят по земле, то, услышав «тридцать шесть» относительно чьего-либо возраста, ты представишь себе «тридцать», как мы всегда представляем младших нас ещё младше. Если тебе всего двадцать, то к тридцати шести годам Зарины в твоём восприятии мгновенно приплюсуется ещё десяток, и наша красавица потянет на все сорок шесть. А сколько же тогда Любимому, спросишь ты (хороший вопрос, для нас он ключевой в понимании последовательности чисел). Отвечаю. Сейчас ему пятьдесят четыре года, на момент знакомства с Зариной было сорок восемь, но с домами, яхтами, автомобилями, самолётами и прочими игрушками он ощущал себя на тридцать пять, потом на тридцать, потом на двадцать пять, и как бы это ни казалось кому-то противоестественным, очевидно, что его судьба – молодеть дальше. «Цари не старятся», – сказал Эразм, а мы добавим, что и не взрослые... Про-

сти, читатель, кхм... необходим глоток воды, мой возвышенный голос зазвучал слишком низко... Кхм...

...Отлично, сейчас намного лучше... Так вот: теперь ты можешь представить, какая на самом деле цифра следует за тридцатью пятью в случае с Госпожой в восприятии ею Любимым и ему подобными? Но пока мы разглагольствовали, Зарина убежала обратно в спальню, а оттуда в гардеробную, и, прежде чем последовать за Госпожой, позволь мне рассказать тебе кое-что о главной комнате моей героини и нескольких удивительных полочках, которые...

Глава 2

Где мы подробнее знакомимся с гардеробной Зарины и содержимым её полочек

...которые заслуживают отдельной главы. Итак, великолепная гардеробная Госпожи Зарины примыкала к спальне и по размерам соревновалась с гостиной. Вернее, гостиная соревновалась с гардеробной, и надо отметить, выигрывала немногим. В последней не было окон, но к этому можно смело добавить «Слава Богу», так как свободные стены, обрамлённые изысканной лепниной по самому верху, служили огромным пространством для высоченных лаковых, очень вместительных шкафов. Венецианская люстра свешивалась с потолка пучками хрустальных гирлянд и, отражаясь в глянцевых поверхностях, заставляла помещение искриться всеми оттенками спектра. Эркер в гардеробной занимало гигантское зеркало, позволяющее рассмотреть себя со всех ракурсов, оно визуально расширяло помещение до необъятных размеров, умножая количество стеллажей. Их содержимое большей частью скрывалось за деревянными лаковыми фасадами, но было в гардеробной и несколько открытых полочек, расположенных одна под другой. Когда вспыхивали лампочки центральной люстры, тотчас же загорались и кро-

шечные подсвечники по краям полочек и оттуда вдруг разливалось ослепительное сияние. Частенько Госпожа присаживалась в кресло напротив и, размышляя о модных образах, любовалась волшебными переливами, исходящими от драгоценных камней, – о, это, разумеется, были они! Воистину, кто хоть раз видел их чистейший живой огонь, тот уже никогда не посмотрит в сторону страз Swarovsky. Зарина, как и многие статусные женщины, ценила украшения, причём серьги она любила больше колец, а ожерелье больше серёг, но кольца больше ожерелий. Однако же на полочках сверкали не кольца, не ожерелья и даже не серьги, а... сумочки.

Ах, мой друг, сейчас ты скажешь: ну кого это сегодня удивляет? Разве кто-нибудь всерьёз считает, что сумочки не могут быть таким же предметом роскоши, как и бриллиантовая тиара? Да если нет у кого последней, а есть только правильная сумочка – можно смело стучаться в самые толстые двери, за которыми прячется самое наглухо закрытое общество, даже не «стучаться», а открывать эти двери с пинка и уверенно шагать в самую гущу собравшихся. И всё-таки, говоря о сумочках Госпожи, я подразумеваю не какие-нибудь шоперы, тоуты, хобо, атгаше, полумесяцы, таблетки, саквояжи, ковши, боксы, рюкзаки и флэпы, а веду речь о клатчах, и не просто о клатчах – каких-нибудь багетах, сёдлах, кисетах, барсетках, фолдоверах, конвертах или минодьерах, – а о книгах, то есть клатчах, выполненных в виде книг. Ты ска-

жешь, эка невидаль, любая модница, любая it-girl, непременно имеет такой. И ты, читатель, конечно, в курсе, что с виду это самая обычная книга, но в дизайнерском переплёте. На её обложке и корешке, точно так же, как на обычных печатных изданиях, указаны автор и название произведения, но, открыв её, ты увидишь айфон, пудреницу, помаду, ключи от автомобиля, кошелёк, кредитку – в общем, всё, что угодно, кроме самого произведения. Это, конечно, ирония, очень тонкая, а Госпожа Зарина любила иронию, вот почему подобные клатчи составили у неё небольшую по нынешним потребительским меркам, но впечатляющую по своему исполнению коллекцию. Расскажу подробнее о некоторых её экземплярах.

Первоначально Госпожа Зарина поддалась модному веянию, купив «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла, книга в розово-голубых тонах удачно сочеталась с её свитером оттенка «синий Эллис» по Пантон. Вторым приобретением стал зеленовато-сливочный «Питер Пэн» сэра Джеймса Барри, что в свою очередь прекрасно дополнило платье цвета «белый навахо». Проблема вышла с амарантовой юбкой: Зарина не смогла найти достойного клатча к яркому строгому силуэту, куда прекрасно вписался бы наш Антон Павлович с «Человеком в футляре», и ей пришлось довольствоваться «Маленьким Принцем» подходящей расцветки. Тогда Зарина решила заказывать клатчи персонального дизайна у итальянских мастеров.

Первой пробой стала мало кому известная Пола Хокинс «В тихом омуте», но это был, дорогой друг, феноменальный успех. Несмотря на простоту исполнения, клатч привлёк внимание многих мужчин на одной из крутых вечеринок по итогам экономического форума, куда Зарина была приглашена одним из своих друзей-бизнесменов. Среди заинтересованных в знакомстве с прекрасной дамой оказался и Пётр Корзун, он рассмотрел название клатча, когда Зарина очаровательно прислонила его к груди, убирая гладкий чёрный локон со своего ухоженного лица. Одним махом миллиардер очутился возле Зарины, уточнил, естественно, как много водится в Зарине чертей, и уже на следующий день в её съёмную квартиру пятеро помощников вносили громаднейшие букеты роз, орхидей и пионов всевозможных сортов.

Если западный триллер помог Госпоже Зарине увлечь миллиардера, то удержать его должна была великая русская литература. Не имея нужды экономить после знакомства с Любимым, Госпожа Зарина щедро тратилась на оформление сумочек, ведь те становились чем-то бóльшим, чем модный look. Сам олигарх редко сопровождал Зарину на вечера и рауты, зная, что там присутствуют фотографы и общие знакомые семьи, а иногда и сама супруга, но до него всегда доходили слухи о том, каким успехом пользуется Зарина у мужчин. Наличие конкурентов, хотя и не таких статусных, как он, Пётр Корзун, привносило в отношения, не связанные официальными узами, ту щепотку специй, без которой лю-

бовное зелье не стало бы приворотным.

Когда Зарина брала мареновый клатч «Олеся» Александра Куприна, украшенный кристаллоподобными ясписами, подходили мужчины, улыбаясь лукаво, и спрашивали, зовут ли её Олесей на самом деле, а то и сразу обращались к ней по этому имени. Когда Зарина выбирала «Алые паруса» Александра Грина, инкрустированные огненным сардисом, мужчины тут же вызывались подвезти её до жилого комплекса «Алые паруса», где, как они думали, она живёт. Бывало, Зарина пошутит, возьмёт «Бесприданницу» Александра Островского, сверкающую зеленью смарагдов, и мужчины тут же предлагают ей знакомство, а то и сразу помощь, если нужно. Зарина, конечно, отказывалась, но в памяти поклонников оставалась почему-то ещё долго, вместе с желанием ей помочь. Когда Госпожа Зарина брала «Горе от ума» Александра Грибоедова, усыпанное космически-синими сапфирами, то множество сердобольных мужчин пускались с ней в дискуссии на разные темы, а после недоумевали: от такого-то ума случается разве горе?

«Кому на Руси жить хорошо» Николая Некрасова горел солнечным халцедоном, ярко-жёлтым линкурием, привлекая, как правило, успешных журналистов, писателей и, конечно, политиков, лидеров партий, мэров городов. «Идиот» Фёдора Достоевского переливался коралловыми сардониксами, абрикосовыми сердоликами и травянисто-золотистыми хризолитами, этот клатч должен был одновременно при-

тягивать остроумных людей и отпугивать тупых. Дело в том, что первые три буквы в названии сумочки размещались на верхней строчке, а две последние – на нижней, то есть выглядело это как «Иди от». Умный человек, заметив имя автора, обычно начинал смеяться, глупому же мерещилось двойное оскорбление, и он тут же исчезал. Надо сказать, что именно с этим клатчем у Зарины связано множество забавных случаев, поэтому, заказывая ещё одного Достоевского – «Бесы», – с морской воды бериллами, прозрачными топазами, огромным хризопразом и несколькими изумрудами, Госпожа Зарина надеялась на ничуть не меньший вау-эффект, но пару раз выгуляв клатч в театры, осталась недовольна: сумочка привлекала лишь экзальтированных историков, зрителей «Битвы экстрасенсов» и православных активистов, так что Госпожа Зарина была вынуждена обратиться к итальянскому мастеру, чтобы тот добавил к «бесам» слово «бал», – получилось «Балбесы» – клатч отлично подошёл для пляжных вечеринок и празднования Хэллоуина.

Однако любимой сумочкой Зарины оставалась гоголевская «Шинель». Её украшал огромный логотип «Шанель», выложенный фиалковыми аметистами, зеркальными обсидианами и золотыми жемчугами, а сам клатч лилово-серого оттенка «розовый Маунтбюттен» имел чудесное свойство подходить абсолютно ко всему, что бы Зарина ни надела.

Возможно, кто-то задумается: почему эти необычные, привлекающие активное внимание мужчин клатчи помогли

Госпоже Зарине тогда, а сейчас не работают? О, мне тоже хочется это понять. Может быть, потому, что ярких мероприятий в жизни Зарины стало значительно меньше, может быть, потому, что клатчи выгуляны все до одного и уже некого ими удивлять, а может быть (и к этому мнению склонились все психологи, которых посетила Госпожа), дело в истощении женской энергетики, работавшей до этого на полную мощность.

Глава 3

В которой Зарина выбирает платье в качестве лота

Как мы помним из первой главы, Госпожа Зарина после завтрака направилась в спальню, а оттуда – в гардеробную (как видишь, читатель, на сумочках мой рассказ о главной комнате не закончился, а только начался). Венецианская люстра, уловив шаги хозяйки, поторопилась рассыпать блики по лаковым шкафам, полочки привычно заискрились. Однако Зарина, минуя драгоценные витрины, прошествовала в дальнюю секцию, где была выставлена целая галерея безголовых манекенов. Вероятно, всякому, кто видел эту часть гардеробной впервые, позы манекенов показались бы странными: одни из них наклонялись вперёд, другие вбок, иные будто сидели на корточках, иные вообще лежали, прикрытые тончайшими кашемировыми палантинами, сквозь которые проглядывали очертания поистине роскошных тел, не собственных обычно пластиковым болванкам. Госпожа медленно прошла вдоль галереи, пристально осматривая выставленные на них вечерние туалеты от известных дизайнеров, в основном трендовые, хотя и весьма дорогостоящие, но было среди них несколько штучных экземпляров, которым в мире нет аналогов. Дело в том, что во время путешествия Госпо-

жи Зарины и Любимого по северу Франции, когда в голове её уже мелькали идеи о собственной линии одежды, увидела она в одном из замков платье маркизы де Помпадур для утреннего чаепития. Долго рассматривала его Госпожа: виртуозно сшитое, с множеством очаровательных деталей, тесёмочек, кружев, бантов и складочек, долго любовалась тканью, и по нынешний день не утратившей блеска и формы, представила, разумеется, в платье себя за завтраком с Любимым, и осенила её вдруг идея относительно вечерней коллекции. Что, если создавать наряды современные, подумала Зарина, но с использованием драгоценных тканей прошлого, для придания марке истинного, а не искусственного, как у распиаренных брендов, духа элитарности, а клиентками станут женщины первой величины – тут же в воображении Зарины за эксклюзивом от марки *Gospozha Z* выстроились очереди из первых леди, голливудских звёзд и московских светских львиц. Госпожа, недолго думая, отыскала специалиста по антиквариату и всяческим историческим редкостям, и тот раздобыл ей подлинные кусочки венецианского золотого бродяга эпохи позднего Средневековья, французского шёлка и газетного времён Людовика XIV, византийского крестчатого атласа XIV века и даже кусочек древней китайской парчи времён династии Сун. Принёс он и ленточку с настоящего (божился и клялся) костюма Помпадур для королевской охоты, и Госпожа Зарина сочинила дебютное платье изысканного кроя из перламутрово-серого бархата, в отделке которого

использовала помпадурскую ленту и турецкий алтабас XVII века с растительным орнаментом в виде крупных набивных гранатов, символов счастья, украшавших некогда плечи самого Мурада IV, правителя Османской Империи. Пять вечерних образов успела воплотить Госпожа, оформив на каждый элемент отделки сертификаты подлинности, и сейчас, прогуливаясь по галерее, ей предстояло выбрать look для сегодняшнего торжественного раута. Взгляд Зарины, блуждающий по манекенам с Dior и Valentino, постоянно возвращался к вышеописанным пяти шедеврам: на мероприятии должны присутствовать потенциальные клиентки, а лучшей возможности для презентации собственного бренда и придумать нельзя, хотя Зарине и придётся расстаться с одним из своих творений. С каким же? «Дебютным», – вздохнула Зарина и секунду спустя уже снимала его с... хмм...

Дорогой читатель, когда Зарина приоткрыла то, на чём висело её любимое детище, я уже не могу называть это, как прежде, безголовым манекеном, или, того хуже, вешалкой, или чем-то подобным, пришло время рассказать тебе, что находится под платьями Зарины... даже не знаю... здесь я чувствую некоторое замешательство в силу необычности описываемого мною антуража... короче говоря, под платьями Зарины прячутся – мать честная – древнегреческие скульптуры. Думаю, не оригинальные, и сама Зарина соглашается с тем, что это копии, но копии прекрасные, потому как тоже древние, преимущественно римские. Не могу

здесь ничего прокомментировать, знаю только, что у Петра Корзуна есть друг, который отливает великолепные статуи в Китае, точь-в-точь греческие, периода высокой классики, поэтому эти великолепные фигуры предстали, читатель, перед тобой в разных позах, хотя, например, Венера Милосская, а также Афина Паллада, равно как и Гера, и Афродита (с которой, кстати, и был снят бархатный экземпляр с турецким алтабасом) стояли совершенно прямо. Но окружали их прелестные аониды, и изящные парнакиды, и касталиды, и ипокрениды, и пиэриды, и прочие музы, чьи фигуры были запечатлены в момент непринуждённых игривых движений. Почему все эти великолепные скульптуры без головы, спросишь ты (хотя мы понимаем, что многим из них без головы вполне приличествует быть в силу древности)? Да потому что Госпожа Зарина хотела приставить к ним свою голову, вернее сказать, свои головы с разными причёсками, так ей легче было бы создавать look и оценивать его сразу в 3d-пространстве. Головы эти (преимущественно из каррарского аутентичного мрамора, выполненные по образам и подобию бюстов из коллекций Ватикана) вот уже года три лежали в больших коробках с древесной стружкой, и пристроить их к туловищам у Зарины никак не доходили руки. Вернее, не у самой Зарины, а у одного известного скульптора, которого Госпожа долго уговаривала и даже внесла предоплату в пятьдесят процентов за работу, но мастер оказался настолько занятым, оформляя античную аллею на даче одного биз-

несмена, что до сих пор не удостоил нашу героиню визитом.

Почему, дорогой читатель, я так долго и подробно описываю гардеробную Зарины, утомляя тебя деталями, пусть выдающимися, пусть весьма неординарными, но, возможно, в твоём понимании довольно мелкими на фоне общемировых проблем или твоих личных планов на ближайшую неделю. Из-за меня ты никак не покинешь эту комнату, будто нет у тебя других дел, кроме как глазеть на гардеробную Госпожи Зарины. Но видишь сам, это повествование, хотя и может показаться длинным, на самом деле весьма и весьма коротко, ведь о гардеробной моей героини можно писать не останавливаясь, в ней много того, что хватит ещё на несколько книг, я же ограничиваюсь парой-тройкой глав, что, согласишься, ничто.

Какова же моя истинная цель? Хочу показать тебе Зарину личностью тонкой, эстетичной, вернее даже тонко-эстетичной, вернее даже тонко-претонко-эстетичной. Пусть в глазах твоих она предстанет благородной душой, пусть роскошь, окружающая её, не вызывает в тебе ни зависти, ни недоумения, ни того хуже, злости, так как роскошь эта интеллектуального свойства и объясняется искусствоведческим образованием, полученным в государственном институте одного из наших российских городов. Тем более скажу тебе, читатель (этого никогда не одобрила бы Зарина, но я скажу), платье она выбрала для благотворительного бала, чтобы продать его и вырученные деньги тут же отдать нуждающимся. И в са-

мом деле... возможно, не стоило мне рассыпаться описаниями предметов и окружающей обстановки, когда поступок нашей героини свидетельствует о ней красноречивее любых внешних атрибутов, пусть и роскошных, ибо что такое внешнее, оно может быть растолковано по-разному, ведь, как говаривал один рассудительный англичанин (прежде чем ему родиться), каждый склонен судить о ярмарке по собственной выручке.

Глава 4

В которой мы загибаем пальцы, а Зарина всё ещё собирается на бал

И всё-таки, мой друг, расскажу тебе, во что оделась Зарина, отправляясь на бал, задержимся ещё на пять минут в гардеробной, присаживайся на любое понравившееся тебе кресло или на жёлтый бархатный пуф, чтобы чувствовать себя под сводами этих высоких с лепниной потолков как дома. Но не забывай, что дом этот находится на облаках и чувства, которые ты можешь здесь испытывать, должны быть самыми возвышенными, хотя и придётся тебе по окончании рассказа спуститься с небес на землю. Что же касается Госпожи, то на свете существует не так много вещей, которые заставляют её спускаться на землю с небес. И если их все перечислить, то хватит пальцев одной руки: мизинец – выход в спа, безымянный – фитнес, средний – ресторан, указательный – шопинг, большой палец – выход в аэропорт с выходом в какую-либо страну, а уж там – те же пальцы, с мизинца по большой. В этой круговерти, многократно повторяемой, а потому однообразной, есть некоторая печаль: для подобных выходов изысканные платья, которые мы только что лицезрели, совершенно не требуются. Вернее сказать, не требуются вообще никакие, даже обычные вечерние платья. Поэтому мы вы-

нуждены взять пальцы другой руки и перечислить мероприятия, не относящиеся к повседневным, с большой надеждой, что роскошный вечерний туалет может быть уместен там.

Итак, мизинец – день рождения, безымянный – свадьба, средний – каннская дорожка, указательный – иные тематические вечеринки, наконец, большой палец – благотворительный бал.

«Именно это меня и огорчает, и тебя должно это огорчать, Санчо», – заметил как-то Дон Кихот применительно к своей ситуации, однако, сам того не ведая, высказался относительно положения Зарины. Сам спроси себя, дорогой читатель, как часто наденешь ты шикарное вечернее платье на день рождения в нашем демократичном веке, особенно если празднуешь событие на природе в компании шашлыков – неважно, в качестве именинника или гостя.

Другое дело свадьба, заметишь ты, и на самом деле это помпезное торжество, требующее самой тщательной подготовки и лучшего платья, может случиться в жизни и дважды, и трижды, однако в кругу Зарины свадьба не такое уж частое явление, поскольку считается предприятием коммерчески невыгодным, если смотреть на него с точки зрения инвестиций или фьючерсных контрактов, ведь товар (каким бы соблазнительным он ни был изначально) – как пить дать – подпортится, и расходы на его амортизацию возрастут. Так что, если уж свадьба состоялась, важно, нарядившись на неё в качестве гостя, не затмить невесту, дабы оставаться вхо-

жей в новый образцовый дом.

Что касается красной дорожки в Каннах, то единственный выход на неё Госпожи был скорее издевательством, нежели удовольствием. Во-первых, вместе с ней на дорожку поваляли гости непонятно какого эшелона, многие из них предпочли каблукам сандалии или кроссовки, а уж о красивых платьях не было и речи. Во-вторых, пройтись пришлось всего-то пятьдесят метров, подняться всего-то по двадцати четырёх ступенькам, и во время этого оскорбительно короткого дефиле никто из целой толпы журналистов не сфотографировал Госпожу и её фирменный наряд, чего она никак не ожидала – ужас, ужас, об этом лучше не вспоминать, – и если бы не Любимый, сделавший несколько снимков на свой телефон, у Зарины не осталось бы на память ничего, кроме разочарования.

Иные тематические вечеринки – главным образом показы мод именитых брендов и торговых домов – жалуют прежде всего звёзд стрит-стайла, потому как в великом изобилии располагают «кежуал шиком» на полках своих бутиков.

Остаётся благотворительный бал. О, благотворительный бал на то и «бал» – именно там можно выгулять чудесный вечерний туалет, дополнив его крупными бриллиантовыми серьгами или колье, или тяжёлым сверкающим перстнем, или изящными ювелирными часами, а лучше и тем, и другим, и третьим. Поэтому пять вечерних платьев Зарины хватило бы ей на пять великолепнейших благотворительных ба-

лов, если бы сейчас она не решила выставить одно из них в качестве лота.

Но, боюсь, настало время покинуть нам гардеробную, полную сокровищ, благо система «умный дом» уже раскрыла перед нами дверь, оставим Зарину в одиночестве выбирать себе туалет, не будучи никем смущаемой. Ты спросишь: а как же цель нашего визита сюда, ведь ты надеялся увидеть её во всей красе, как было заявлено вначале? Но, дорогой друг, Госпоже предстоит примерить десятки вечерних вариантов и их различных комбинаций, что растянется до самого вечера, придётся ей приложить усилия, чтобы не опоздать на мероприятие... Уйдем потихонечку и встретим Зарину во всём её блеске непосредственно на балу.

Глава 5

В которой говорится о контексте

Дымчато-пудровое платье с тесьмой из итальянской парчи эпохи Возрождения с добавлением натуральной серебряной нити, на талии широкий светлый пояс из паучьего шёлка французских мастеров, в тон поясу высокие перчатки (говорят, их носила сама Жозефина), шея открыта, волосы подняты, открывая взору бриллиантовые нити серёг. Добавь к этому изящную посадку головы и королевскую осанку – и ты получишь частичное представление о том, каким ослепительным получился образ Госпожи Зарины. Почему лишь «частичное» представление? Потому что важен ещё и контекст, в который вписана наша жемчужина, томится ли она в дешёвом ювелирном сплаве или завораживает волшебными переливами в обрамлении чистейшего золота и бриллиантов? К счастью, мероприятие, на которое отправилась Зарина, оказалось великолепным контекстом её наряду, и если в роли бриллиантов величаво выступала сама идея благотворительности, то чистейшим золотом явилось здание, в котором эта идея воплощалась.

Усадьба-музей, открывшая свои высоченные резные двери для милосердного раута, расположилась в ухоженной парковой зоне немного за МКАД. Окружали её величественные сосны, оставшиеся, впрочем, за кованым забором, ближе к

зданию подступали дубы и клёны. Их пышные кроны горели янтарём в лучах садившегося за горизонт светила. Хотя осень уже была полноправной хозяйкой московского годового круга, на центральной аллее ещё журчали фонтаны.

Подъехав к зданию на белом Майбахе, нанятом специально для такого случая, Зарина с аристократичной грацией покинула заднее пассажирское кресло, воспользовавшись помощью швейцара. За Майбахом успели выстроиться другие автомобили в ожидании своей очереди встать у парадной лестницы. Зарина вошла в здание, её кашемировый кейп тут же забрал гардеробщик. Подхватив удобнее клатч, в роли которого на этот раз выступал раухтопазовый с лабрадоритами Ремарк «Жизнь взаимы» (тонкий намёк Любимому в случае его присутствия), Зарина огляделась. Над ней раскинулся огромный, необыкновенно высокий потолок, поддерживаемый мраморными колоннами. Потолок этот был покрыт слоем глянцевого золота, и лившийся с него таинственный свет, подобный свету икон в мерцании лампад, благословлял красивых людей, собравшихся под его сводами. В золотых бликах по-особенному торжественно искрились бриллианты, горели рубины, белели жемчуга. Платья шелестели под виолончели и саксофон джазового оркестра, пузырьки шампанского рвались из оков узеньких фужеров, готовые освежить носики благородных дам, на широких блюдах зазывно пестрели канапе с креветками, крабовым мясом, сыром, икрой и ягодами.

Стены приёмного зала, где собралось блестящее общество, были сплошь украшены живописными фресками, изображавшими ратные сцены из военной биографии хозяина-аристократа, давно почившего. Новый же хозяин, взявший усадьбу под своё попечение, добавил помещению современного шика: по периметру вместо старых бюстов он установил абстрактные инсталляции актуальных художников, организовал мягкие зоны из диванов и кресел в стиле «лофт» для светских бесед, здесь же водрузил ультрамодный рояль из прозрачного пластика. Несмотря на любовь хозяйна к постмодернизму, исходная историческая база усадьбы была тем не менее им тщательно воссоздана: колонны заново отполированы, полы отреставрированы, мозаика подклеена, парадная лестница устлана новым красным ковром. Однако санузлы решено было реформатировать полностью, и теперь они являлись образцом технологичного рококо. Чистейшие алебастровые унитазы в окружении стен из зелёного оникса с подсветкой дарили гостю ощущение исключительной свежести, воздух наполнялся дивными сложносоставными ароматами, не успевая портиться, так что посетителю казалось, что из него выходит некий благоухающий субстрат. Последний моментально смывался и анализировался на предмет дисбактериоза, токсинов и паразитов, результаты тут же отправлялись в виде смс с предложением записаться к конкретному доктору (владелец усадьбы являлся также владельцем клиники). Чистейшая артезианская вода ласко-

во омывала место выхода субстрата, пока его производитель знакомился с данными о погоде, такси и пробках на световых табло, при желании он мог наблюдать и прямую трансляцию из банкетного зала. Никакие лишние звуки не беспокоили при этом посетителя соседней кабинки. Надо отметить, что перчатки с позолотой, зеркала в тяжёлой кучерявой оправе, бархатные диваны с торшерами маскировали собой технологичные новшества, делая атмосферу санузла настолько уютной, что многие гости предпочитали именно эту часть здания всем остальным. Нередко в женской половине можно было встретить группу прехорошеньких сплетниц, рассеянную по углам, которая, впрочем, незаметно перемещалась на мужскую территорию, где, в свою очередь, обязательно задерживались два-три, а то и целых четыре видных джентльмена, хотя иногда и без приставки «джентл».

Как видишь, дорогой друг, усадьба самым убедительным образом подчёркивала красоту дел милосердия, творившихся сегодня в ней, ибо кто сказал, что добродетель горит ярче под сводами давно не реставрированных больниц, заглушаемая духотой лежащих в немощи тел? Напротив, задумайся, не бывает ли поругана высота дел милосердия при небрежном их воплощении? Музыкальный шедевр, исполняемый в неподобающем месте, не превращается ли в набор унылых, порою откровенно тяготящих звуков? А живописное творение? Способен ли кто-нибудь оценить его истинное достоинство, пока оно не украсит стену знаменитого музея или рос-

кошного дома богатого коллекционера? Тем более жемчужина души человеческой, именуемая благотворительностью, нуждается в самом величественном антураже!

Однако, взглянув на интерьер усадьбы, в котором одновременно правили изысканная классика, дерзкий постмодернизм и дорогостоящий минимализм, кто-то заподозрил бы нового владельца не столько в альтруизме, сколько в тщеславии, но спешу уверить тебя, читатель, это не так. Хозяин Усадьбы не только вложил огромные личные средства в восстановление памятника архитектуры, но и позволил всем желающим любоваться историческим местом два раза в год согласно расписанию, а кроме того, решительно отказался от помпезной памятной доски в свою честь и даже от скромной благодарственной таблички на входе. Вместо неё он оставил крошечное, ничем не примечательное напоминание о себе, адресованное скорее внимательным потомкам, чем беспечным современникам: во время реставрации живописной сцены, где народ в честь победы над Наполеоном нёс хоругви, художник стёр лик Спаса на одном из полотнищ и поместил туда лик Хозяина Усадьбы. Скромный от природы, заказчик попросил не трогать сияющий нимб – пусть образ мой, говорил он, принимают за чужой.

И правда. Однажды в усадьбе организовали пробный квест для школьников. Так и не узнав Хозяина на хоругвях, дети решили, что образ его воплощён в гигантской инсталляции, состоящей из трёх медных извилин. Эти извилины

исходили из единой опорной точки и далее устремлялись вверх. Но правая и левая линии, дойдя до середины, разошлись на запад и восток, центральная же указывала на север, образуя подобие древа. Стопроцентный купрум, отсылающий к эпохе медного царства Александра Македонского, намекал на античные корни нового хозяина, в этом смысле превосходившими своей исторической ценностью корни хозяина старого. Инсталляция эта, выкупленная у музея современного искусства в Лондоне, разместилась возле центральной колонны и...

О, мой друг, какая удача, прямо здесь я снова вижу Зарину, которая за время моего повествования совсем исчезла из виду.

Но... вдруг ты всё ещё находишься под впечатлением от санузла? Что, если мыслями и душой ты всё ещё пребываешь в райском уголке, лишь делая вид, что мои рассказы о скромном Хозяине Усадьбы тебе интересны? В таком случае позволь мне провести для тебя прямую трансляцию из точки, где замечена Госпожа. С фужером игристого в руках, она ведёт чинные беседы с гостями, образовавшими у инсталляции подобие полукруга. Пусть, однако, не смущает тебя, читатель, приставка «полу» применительно к данному обществу, знай, что это самый настоящий светский круг, просто в форме полукруга. Кивая и улыбаясь каждому, кто кивает и улыбается ей, Зарина вдруг замечает поодаль Любимого, рядом с ним – элегантных мужчин в костюмах и белых рубаш-

ках, это телохранители. Вдруг взор Любимого устремляется в сторону Госпожи, и тогда она смеётся неизвестно чему, взмахнув непринужденно клатчем, но тут же улыбка сползает с её лица – мимо царской поступью шествует новая Пассия в богатом платье из пайеток и перьев. Уверяю тебя, читатель, не стоит задерживаться на описании этой дамы, скажу лишь, что платье превзошло её красоту, но не затмило колё. Несмотря на впечатляющую высоту каблуков, удерживающую взор Пассии над головами присутствующих, риск, что она посмотрит вниз и захочет поболтать с кем-то из друзей Зарины, весьма вероятен. Госпожа спешит ретироваться: до этого она чувствовала в себе силы встретиться с подобным вызовом не поведя и бровью, но краска, тотчас же залившая щёки и лоб с подбородком, разоблачает всю искусственность её самообладания. Госпожа, подхватив подол платья, решительно направляется в сторону шампанского за дополнительной порцией, и, право же, неизвестно, сколько Зарина собирается выпить порций, но – внимание! – распорядитель банкета объявляет официальную часть, и гости приглашаются в зал.

Зарина вынуждена оставить фужер и присоединиться к толпе, а я, если ты, конечно, читатель, позволишь, выпью этот аперитив за неё. Прости мне эту игру слов, пить я буду ВМЕСТО Зарины, но ЗА тебя. Пузырьки наполовину выдохлись, но это всё ещё великолепный брют. Пока гости потихонечку входят в зал и рассаживаются там, я успею произне-

сти тост, а после вернусь к прежнему ритму своего повествования. Признаюсь, дорогой друг, репортаж не мой стиль, его нервный торопливый ход мешает видеть суть событий, не отходя, как говорится, от кассы. Хотя я подробно комментирую детали обстановки и даже малейшие движения своих героев, но ты, вместо того чтобы задуматься об истинном смысле происходящего, спешишь за моим речитативом дальше, будучи уверенным, что видишь всю картину целиком. Но посмотри, как много упустил ты из внимания, увлекаясь моей скороговоркой:

Заметил ли на самом деле Зарину Любимый? Конечно, да! Но сделал вид, что любит Пассией.

Заметила ли Пассия Зарину? Разумеется! И заметила сразу, как только та появилась на парадной лестнице! Более того, Пассия намеренно прошла рядом с инсталляцией, где, как ты помнишь, Зарину окружили гости.

А что гости? Что друзья и знакомые? О, они потому её и обступили, что жаждали узнать, насколько эта гордая, важная Госпожа оправилась после расставания с Любимым, им любопытно, насколько уверенно держится она в обществе, где ранее занимала высочайшее положение, и, не скрою, яркий румянец Госпожи при виде Пассии тотчас же бросился им в глаза, они многозначительно посмотрели друг на друга, когда Зарина устремилась за новым фужером шампанского, а поскольку Пассия ещё не успела покинуть зону их полукруга, они все дружно приветствовали её.

И я сейчас держу фужер Зарины, спешно оставленный ею, и говорю с тобой, и собираюсь выпить за тебя, и найти слова и пожелания, которые бы тебя порадовали и осветили твои, возможно, суровые и тусклые будни. И коль скоро речь у нас идёт о контексте, то и мои пожелания должны родиться из него, хотя я всё ещё не могу нащупать, что было бы тебе приятным. Хочешь ли, я выпью за то, чтобы днём и ночью окружала тебя красота, подобная той, что мы видим в усадьбе? Хочешь ли блистать на великосветских раутах, будучи окружённым толпой нарядных гостей? Хочешь ли начинать утро с фужера игристого и любоваться с балкона дворца на свою винодельню? Хочешь ли организовать свой бал для помощи нуждающимся и отдавать им от избытка своего? Ведь что может быть приятнее избытка? С ним будущее расстилает перед тобой самые роскошные ковры: бирюзу океанов и белизну райских островов, шёлк альпийских лугов и золото песков африканских сафари. Чем больше избыток, тем заботливее солнце прогревает место, которое ты облюбовал под ним. С избытком легко исполнить заповедь «возлюби ближнего, как самого себя», ведь какое умение можно считать более искусным, чем способность помочь ближнему, не оторвав от себя? Но кто, мой читатель, хотел бы оказаться на месте этого ближнего, нуждающегося в помощи? Я, признаться, каждый раз говорю себе: тьфу, тьфу, тьфу, как бы чего не вышло...

Мой друг, прости, я залпом пью за «как бы чего не вышло», гости давным-давно расселись, и я бегу, чтобы успеть

втиснуться в почти закрывшуюся дверь!

Глава 6

В которой мы наблюдаем схватку двух невидимых глазу исполинов

Когда за дело берётся женская рука, а благотворительные балы, как правило, дело женской руки (преимущественно одной левой, потому как правая вместе с сердцем вверена успешному или очень успешному мужчине, и ей приходится управляться там), есть две вещи, за которые никогда не надо переживать. Первое: нехватка лотов, вторая: рассадка гостей.

Женская рука, организующая нынешнее мероприятие, принадлежала супруге Хозяина Усадьбы. По документам она не являлась Хозяйкой Усадьбы наряду с мужем, но была Хозяйкой Бала, а также Хозяйкой бранчей, ланчей и прочих дружественных встреч. К слову сказать, дружественные встречи зачастую объединялись, так что бранч перетекал в ланч, ланч – в препати, препати – в основное пати, пати – в афтепати, афтепати – в бранч, бранч – в ланч, ланч – в препати, препати – в пати и так далее, и организовывались с таким размахом, что всем, кому посчастливилось быть приглашёнными на них хоть однажды, сразу становилось понятно, что на самом деле супруга Хозяина Усадьбы, не будучи Хозяйкой Усадьбы, являлась Хозяйкой Хозяина Усадьбы и

пользовалась уважением безмерным. И если супруг привлекал под своды своей дружелюбной площадки крупных финансистов и государственных деятелей, то супруга – их великолепных жён (и тех, кто на эту роль метил с того или иного прицела). Под её эгидой действовал закрытый женский клуб ЖЗЛ, что означало «Жёны замечательных людей», и, надо признать, основная часть лотов принадлежала именно ему: на благотворительные торги выставлялись платья от именитых дизайнеров, как правило, лишь однажды надетые или не надетые вовсе. В какой-то момент подобные лоты своим количеством вытеснили произведения творческой среды: модных художников, скульпторов и фотографов. Хозяйка Бала, столкнувшись по этой причине с критикой своей деятельности со стороны творческих союзов, вынуждена была ввести квоты на одежду, и отныне благотворительным лотом мог стать наряд от полутора миллионов рублей, или от тридцати тысяч долларов, или от двадцати пяти тысяч евро, или от двадцати тысяч британских фунтов. Признаться, это некоторым образом исправило ситуацию и освободило дорогу лучшему из того, что мог предложить мир искусства.

Как ты помнишь, мой друг, шедевр Зарины скорее принадлежал миру искусства, нежели моды, ценник его соответствовал самой высокой планке, и оставалось надеяться только, что платье не узнает Любимый, в своё время отдавший за тесёмочку от Помпадур внушительную сумму. Впрочем, оно не было надето ни разу, потому Зарина с самым уверенным

видом сидела за столом в окружении соседей, тщательно подобранных друг к другу Хозяйкой Бала. Последняя имела диплом психолога, а потому в рассадке гостей руководствовалась соционикой, транзактным анализом, хьюмэн-дизайном и прочими теориями межличностных отношений, которые, однако, в её интерпретации сводились к бытовому гороскопу. Так, например, Хозяйка никогда не сажала скорпионов со львами, даже если у скорпиона солнце находилось в доме льва, дев не сталкивала со стрельцами, рыб с весами, исключения составляли уже состоявшиеся пары, чья несовместимость не была ответственностью приглашающей стороны. Что касается овна Зарины, то компанию по столу ей составили: неженатый бизнесмен, близнец Дмитрий Дмитрий, владелец сети продуктовых магазинов, пожилая вдова рыба Виктория и симпатичная молодая дама, водолей в разводе, в которой Зарина узнала свою давнюю знакомую Полину. В свой золотой век Зарина, как и прочие, избегала расставшуюся с мужем Полину, тем более что муж Полины и Любимый были дружны, но в свете изменившихся обстоятельств Госпожа выразила Полине самое искреннее радушие, получив в ответ то же расположение.

Был хорошо знаком Госпоже и Дмитрий Дмитрий, известный в тусовке повеса, со многими из его девушек Зарине доводилось общаться лично, все они сменяли друг друга на фоне его постоянных отношений с таинственной особой по имени Шарлотта, которую никто никогда не видел, но все

были о ней наслышаны: часто Дмитрий Дмитрий (а по-приятельски Дима Дима) имел обыкновение в момент тяжёлой степени опьянения вещать оказавшимся рядом слушателям о своих сложных с ней отношениях. Многие в тусовке думали, что на самом деле женщины этой не существует, а Дима Дима имеет дело с некой подсознательной абстракцией, посещавшей его всякий раз, как доза выпитого переваливала за полтора литра, и что абстракция это не что иное как работа, которой он посвящал все свои силы в свободное от девушек и вечеринок время. Надо отметить, что сил после девушек и вечеринок оставалось не так уж и много, частенько Дима Дима собирал их последние остатки, чтобы распорядиться прибылью, которой работа награждала его довольно щедро, но, осыпанный прибылью, он всякий раз сбегал от своего богатства. Бывало, захочет построить виллу на Кипре, подыщет бригаду, заключит контракт с дизайнером, заложит фундамент, а потом сбегает – строить дачу во Франции. Найдёт во Франции бригаду, заключит контракт с дизайнером, заложит фундамент и снова сбегает – строить дом в Испании. Подыщет бригаду в Испании, заключит контракт... в общем, отношения Димы Димы с работой и прибылью нельзя назвать простыми, – чтобы в них разобраться, надо быть хорошим психологом, каковой являлась вышеупомянутая Хозяйка Бала, поэтому Дима Дима находился с ней в прекрасных доверительных отношениях. Кстати, именно после её сеансов терапии Дмитрий стал называться Дмитрием Дмитрием: во-

первых, чтобы усилить эффект от знака близнецов, а во-вторых, чтобы удвоить положительные качества, заключённые в его имени. Так, в Диме Диме умножились харизма, дружелюбие, везение, острый ум. Правда, недостатки, такие как неуступчивость, влюбчивость, непредсказуемость и расточительность, обозначились в нём с той же двойной силой, но при ближайшем рассмотрении они оказывались продолжением достоинств: коллеги признавали, что на работе непредсказуемость держит всех в узде, а девушкам нравилась его расточительность. Надо сказать, что и Полина водила с Димой Димой весьма тёплую дружбу, поскольку он, помимо сети продуктовых магазинов, владел гольф-клубом – его регулярно посещали двое сыновей Полины, проживающие с ней после развода.

Не успели соседи по столу обменяться приветствиями, улыбками и комплиментами, как вспыхнул прожектор и на сцене под торжественную увертюру в исполнении оркестра появились Хозяйка Бала с Хозяином Усадьбы. Смотрелись они гармонично в своей противоречивости. Седой Хозяин, с аккуратной бородкой и изящными очками, одетый в твидовый тёмно-зелёный костюм-тройку с золотой бабочкой, походил на старого благородного лорда, Хозяйка же, средней, но всё-таки молодости, с резкими, выразительными чертами лица, длинными волосами «тёмный блонд» и ярко-красной помадой, в меру изящная, в меру крупная, выступала в образе феи-крёстной, надев пурпурное сверкающее платье с ру-

кавами-буфами. Эти муж и жена являли собой симбиоз чуда и практичной основательности, неба и твёрдой почвы, облака и камня, песни и барабана, а если эти образы обобщить, то мечты и возможностей, цели и кошелька.

Хозяин выдвинулся вперёд, чтобы обратиться к гостям с приветственной речью, которую сам сочинял в течение двадцати восьми осенних вечеров.

– Дамы и Господа, – начал он, обводя умилительным взором круглые столы, рассыпанные у сцены и облепленные сияющими благотворителями. – Рад видеть вас сегодня здесь, в моей гостеприимной усадьбе, в этот торжественный великий день...

Но какая досада, мой друг, какая досада! Ты, вероятно, ещё не забыл, что мною выпит залпом целый фужер шампанского, – и пик опьянения, тот самый пик, когда оставшаяся половина хулиганистых пузырьков достигла самого центра моего утомлённого долгим рассказом мозга, пришёлся, к большому несчастью, на речь Хозяина Усадьбы. Послушай, пожалуйста, сам его выступление и по возможности поясни мне суть сказанного, так как мой бедный разум вынужден отключиться, если не полностью, то вероя... пфффф...

***Речь Хозяина Усадьбы, произнесённая
им на благотворительном балу в
Усадьбе, Хозяином которой он является***

– Дамы и Господа, рад видеть вас сегодня здесь, в моей гостеприимной усадьбе, в этот торжественный великий день! Ко многому обязывает нас этот день... Нет-нет, не только этот, для того чтобы на этот день душу выложить, а на всю оставшуюся жизнь в году забыть об этом. Я о другом... Я о том, что в этот день надо бы задуматься, что я считал бы главным, и это бы пожелал всем нам, об одном единственном... Мне кажется, что в том единственном, который может послужить фундаментом счастья, этим единственным, на мой жизненный опыт, на изученность этой темы, которую, хочу сказать, является одно: надо всем нам, но прежде всего вам, которые должны понимать, что творить добро – это центр мироздания. Надо понять, что добро и зло – это совершенно разные миры и их нельзя подминать друг другом, их нельзя встраивать в свой мир, чтобы они шли вместе, им, другим мирам, нельзя указать, быть добру или злу. Но пока мы делаем добро, если мы будем помнить об этом, то быть только добру. Этот добрый мир, если мы будем давать эту данность и никогда не покушаться на этот имеющий право на свой мир, то каждый

из вас, дойдя до этого, обречён на счастье. Скажу откровенно, я к этому приходил долго, потом ещё и учился. К этому приходит не каждый, приходят единицы из тысячи, уже к зрелому возрасту, и этому, к сожалению, не учат, но, если мы воспользуемся этим и советом, и пожеланием на всю оставшуюся жизнь для каждого из вас, дорогие гости, для каждого из нас, не подменяя мир добра под недобро, несопоставимый мир, мы будем обречены на счастье. Советую и желаю. Берегите добро! Берегите своё добро и добро друг друга! Храните этот во многом чудесный мир, имеющий право на собственное существование в своей целостности...

О, слышу, слышу, грохот аплодисментов и восторженный рёв зала, подобный ангельской трубе в Судный день. Он пробудил моё сознание, и голос мой, как бы помимо воли, встроился в общий ликующий хор. Вижу, что речь произвела, мой друг, на всех глубокое впечатление, и догадываюсь, что по причине эмоциональности, терзающей тебя, вероятно, с рождения, ты впал в оцепенение и даже не заметил, как твой указательный палец взметнулся вверх, чтобы вытереть слезу, но застыл у виска. Побудь недолго в медитативном созерцании услышанных глаголов, жгущих сердца людей, не хуже жаровни Ибуки, а я, отхлопав положенное число раз, продолжу свой рассказ.

Гул всё ещё разливался по залу, когда оратора (многие сошлись во мнении, что это воскресший Демосфен) сменила худощавая оперная певица и затянула витиеватую печаль-

ную арию, призванную настроить публику на нужный лад. К концу седьмой минуты публика перешла на шёпот, но не замолчала совсем. Мужскую половину не отпускал призыв «берегите добро», а женскую волновало платье Хозяйки, которое по традиции на следующем балу появится в качестве лота. Выкупить его означало попасть в лист категории «А» и получать приглашения на все статусные вечеринки ещё как минимум год. На двадцать шестой минуте арии зал наконец стих, равно как и сама ария, и сценой завладела истинная Королева бала в кипенном благоухающем венце – Её Величество Милосердие.

Мой друг, ты снова слушаешь меня с полным вниманием, однако же, я намереваюсь пропустить хотя и великолепные, но похожие друг на друга лоты от клуба ЖЗЛ, представшие пред взором Её Величества. В конце концов, ты можешь посмотреть каталог, который я обязательно прихвачу на выходе, но отмечу, что ласковое дыхание сопереживания и доброты коснулось каждого присутствующего: публика была так щедра, мужчины так внимательны к своим спутницам, что многим платьям удалось отбить их первоначальную стоимость. По мере того как лоты отправлялись к своим новым владелицам, гостями всё больше овладевал восторженный порыв, и уже не оставалось ни одного, даже самого укромного уголочка чьей-либо души, чтобы в нём не воцарилось Милосердие. И когда очередь дошла наконец до платья Зарины, публика была в состоянии, близком к экстазу.

Лот Зарины завершал основную часть торгов и, поскольку являлся произведением искусства, то удачно выполнял роль моста от нарядов к картинам, скульптурам, фотографиям и сервизам, а потому его особенно торжественно вывезли на сцену, накрыв чёрной прозрачной тканью с воланами. Хозяйка, всегда выступающая в роли ведущей, когда дело касалось платьев, одобрительно кивнула.

– Леди и джентльмены, – объявила она, указывая на вешалку, – мы рады представить вам жемчужину нашего сегодняшнего вечера – изумительной красоты творение, любезно предоставленное нам Госпожой Зариной! Платье, которое является визитной карточкой её собственной линии вечерней одежды под маркой *Gospozha Z*, похлопаем!

Зарина приподнялась со своего места и приветливо, хотя и не без чувства гордости, улыбнулась всем обратившим на неё свои взоры и подарившим ей аплодисменты, а это был весь зал, если не считать Любимого с Пассией, вдруг уткнувшихся в телефоны.

Хозяйка собственноручно скинула покрывало и перед публикой предстало уже знакомое нам перламутрово-серое бархатное платье элегантного кроя. На первый взгляд, оно сильно уступало ранее проданным лотам.

– Стартовая цена – тридцать тысяч евро!

Зал, имеющий твёрдое намерение активно расставаться со средствами до конца вечера, вдруг в нерешительности застыл.

– Это, господа, не просто платье, – продолжила Хозяйка Бала, – это исторический артефакт! Раньше вот эта тесёмочка украшала туалет самой Маркизы де Помпадур! Франция, XVIII век! Лувр, господа! Фаворитка короля!

Зарина заметила, как Любимый зашептался о чём-то с Пассией, та сморщилась и надула губы, отдернув руку от таблички с цифрой. Другие дамы, напротив, с интересом уставились на лот, и руки некоторых из них уже вцепились в сигнальные палки, готовые взметнуться вверх, как Хозяйка добавила:

– Обратите внимание, господа, в отделке этого платья использован турецкий алтабас XVII века с плеча Мурада IV, господа! Уникальнейший музейный экземпляр!

Успевшие подняться цифры мигом опустились. Надо сказать, что как раз на момент благотворительного бала наша страна прервала всякие отношения с Турцией. Межгосударственный конфликт достиг такого напряжения, что даже маниакальные любители турецких курортов бойкотировали их берега. И теперь государственные мужи, равно как и бизнесмены (впрочем, «как и» можно опустить в силу того, что мы наблюдаем здесь редкое единение душ), оказались заложниками конфликта двух добродетелей, свидетелями битвы двух исполинов – Милосердия и Патриотизма, – и, мало того, результат этого сражения зависел конкретно от их благоволения той или иной стороне! Но может ли сердце воевать против лёгких? Может ли добрый отец выступить против ласко-

вой дочери?

Мой друг, когда в схватку вступают силы противоположные, когда Зло восстаёт против Добра, Жадность против Щедрости, Ложь против Правды, то этот сценарий тебе с детства знаком, хотя жизнь, цинично им пренебрегая, навязывает другую систему координат: когда Зло воюет против Зла, Жадность против Жадности, Ложь против Лжи. Признайся, как часто принимаешь ты решения, находясь между Сциллой и Харибдой, между тигром и крокодилом? Но если в душе твоей столкнулись Добро с Добром, что скажешь ты? Если Милосердие и Патриотизм скрестили шпаги, как распознать уколы совести?

– Господа! – Хозяйка, не на шутку встревоженная повисшей в зале тишиной, в которой ясно ощущалось враждебное отношение к лоту, спустилась со сцены.

– Дамы! Ну что вы, ей-богу, посмотрите, какие прекрасные гранаты! Они принесут вам счастье! Счастье, господа! Господа, вспомните, кому мы собираем сегодня средства! Ещё раз посмотрите на этот великолепный туре...

Тут Хозяйка осеклась, до неё наконец дошла щекотливость ситуации. Что касается Хозяина Бала, то он, как на грех, ещё два часа назад убежал по острой нужде и, следя из кабинки санузла за прямой трансляцией, заснул, окутанный благовониями, мертвецким сном.

Тем временем один большой государственный деятель, в которого вмещалась столь же большая душа, наблюдая за по-

единком, развернувшимся на его широком внутреннем пространстве, заметил, что Милосердие стало потихонечку перевешивать, и тогда его густой бас громогласно провозгласил цену в пятьсот рублей. Аудитория одобрительно загудела, некоторые вскочили со своих мест, размахивая табличками.

– Отлично! – обрадовалась ведущая, подбегая к государственному деятелю с раскинутыми объятиями и поцелуем. – Попробуем по голландской системе! – Хозяйка развернулась к залу. – Кто меньше?

Всё это время Зарина смотрела на происходящее, до последнего удерживая улыбку. Странный сценарий торгов казался ей запланированной шуткой, хотя и дурацкой, она не догадывалась, какая битва развернулась в душах благотворителей, но вопрос Хозяйки «кто меньше?» вдруг отрезвил её, подобно пощёчине, которой так несправедливо награждается упавший в обморок бедняга. Зарина и сама не помнила, как вылетела на сцену.

– Люди! – воскликнула она, оказавшись у микрофона. – Люди, дорогие гости, товарищи, послушайте... – Зарина потряхнула клатчем, в нём угрожающе гроыхнули помада, пудра и кредитки. – Послушайте, это вам не распродажа! И не благотворительный марафон!

Госпожа запнулась, увидев, как Хозяйка схватила с ближайшего столика чей-то стакан с водой и, не успев донести его до рта, опрокинула на декольте, по ходу освежив и чью-

то лысину.

– То есть... я хотела сказать... Хотела сказать... Я снимаю лот!

По залу пронёсся вздох облегчения, который Зарина, находясь в смятении чувств, приняла за протест.

– Я снимаю лот, – повторила она.

Глава 7

В которой Зарина всё ещё печалится, хотя звучит песня о любви, а Дмитрий Дмитрий говорит по-французски, тогда как автор неожиданно замолкает

М-да. Как сказал бы ослик Иа-Иа, – душераздирающее зрелище. Невыносимо видеть, как от дорогого отворачиваются, будто от дешёвого, причем такого дешёвого, какого даже с огромной скидкой не нужно никому. Зарина возвращалась к столику и не видела, как её платье, появившееся на сцене с помпой, спешно уносилось, словно досадная неожиданность, сделанная испуганной чихуахуа на шёлковом мавританском ковре. Но как только вешалка исчезла, атмосфера мероприятия тут же прояснилась, тучи рассеялись, воздух посвежел, как если бы прошёл молодой майский дождь, тающий в себе ароматы первых цветений. Немного погода появилось и Солнце в лице приглашённой западной звезды, и утомлённая битвой исполинов публика, напоминающая чальные побеги, клонившиеся к сырой земле, вдруг встрепенулась и потянулась к Солнцу, увлекаемая силой бодрящих ритмов. Вскоре гости сгрудились у самой сцены с мобильными

ми телефонами, те же, кому мест не досталось, повставали на стулья и отплясывали на них.

– Лав ю, Моску! – молодой сухопарый артист в клетчатом костюме распевал за роялем зажигательные хиты, подпрыгивая, взвизгивая, шепча, прикусывая микрофон и отбивая такт ногой, привставая, приседая, поворачиваясь вокруг своей оси, барабаны при этом по клавишам с невероятной скоростью, за ним, щипля струны из последних сил, пытались угнаться виолончелист и скрипач, порвавший третий смычок.

– Уииииии! – визжала публика, и телефоны задирались ещё выше.

Один только столик не принимал участия в общем веселье – столик Зарины. Госпожа была настолько печальна, настолько потрясена случившимся, что какое-то время не могла вымолвить ни слова. Дмитрий Дмитрий, Полина и вдова Виктория бросали сочувственные взгляды на соседку, вздыхали, и по тому, как осторожно они переглядывались друг с другом, можно было понять, что их терзает чувство вины. Дмитрий Дмитрий оказался первым, кто захотел поговорить об этом:

– Лан, чо ты расклеилась, – сказал он, наполняя Зарине фужер, – давай, вздрогнем! – И, всхрипнув, как уставшая лошадь на водопое, опрокинул в себя стопку виски.

– Зарина, ты же понимаешь, я не могла такое купить, – сказала Полина, поднимая свой фужер и от души радуясь,

что молчанка прекратилась. Честно говоря, ей очень хотелось к сцене.

– А мне оно маленькое, – резюмировала вдова, – вот бы побольше на размерчик! А платье-то чудесное! Помпадур! Подумать только...

– Да не всё ли равно, от каких ваши платья дур? – заметил Дмитрий Дмитрий и опрокинул ещё стопку.

– Ой-ой! – воскликнула вдова. И, признаться, оклик этот предназначался не столько «дурам» без «помпы», сколько стопке, которым Виктория, похоронившая мужа-алконавта не далее чем в прошлом году, вела скрупулёзный счёт. Это была одиннадцатая.

– Дима Димочка, – ласково добавила Полина, поглаживая владельца гольф-клуба по спине в надежде нейтрализовать его суровый настрой, – ты бы уж и правда... остановился бы.

Крепкий, с бакенбардами, густой бородой и ровными, блестящими, будто новая щётка, усами Дима Дима в начале вечера походил на главного управляющего бразильской фазенды, а к концу мероприятия напоминал потрёпанного в тяжёлом бою викинга. Изъясняться, однако, он предпочёл на том элегантном французском, который всегда облегчал ему коммуникацию с любыми слоями общества, независимо от гендера, образования или величины счёта.

– Мадам, – сверкнул глазами «викинг», белки его глаз прорисовались кровавой сеткой, – не ваше сраное дело!

Хотя французский у нас, слава небесам, всё в том же ак-

тивном ходу, что и двести лет назад, потому Дима Дима и владел им в совершенстве, а всё же после активных возлияний он часто имел путаницу с артиклями мужского и женского родов, используя их порой безо всякой структуры. Артикль мужского рода «нах» он ставил с глаголом, а не существительными, артикль женского рода «мля» употреблял буквально со всеми частями речи. И в этот раз, воскликнув «не ваше сраное дело», он добавил зачем-то «мля», а после уж совсем непонятно к чему вскричал «пошла нах!».

В ответ Полина тряхнула головой и высоко вздёрнула подбородок, отчего её длинные белокурые локоны стали будто ещё длиннее, стремительно поднялась из-за стола и, подобрав полы многоярусной с воланами юбки, ушелестела к сцене. Туда же отправилась тихой сапой Виктория.

– А ты чо сидишь? – Дима Дима тяжело опёрся на столик и придвинулся к Зарине, которая, оставаясь ко всему безучастной, молчала. «Викинг» глядел ей в лицо с такого близкого расстояния, что борода щекотала Госпоже её гладкие, ничем не защищённые плечи. – Иди, пляши, чо не пляшешь... разучилась, што ль, плясать...

– Да не хочу я. – Зарина дёрнула плечиками, окинула соседа почти брезгливым взглядом и отодвинулась.

– Да лан, – тяжело вздохнул он, – всё нормально, мля.

Заметив, однако, что между ним и Госпожой увеличилась дистанция, Дима Дима снова сократил её, на этот раз не просто придвинувшись вплотную, но обняв соседку за талию.

Вялая рука его, впрочем, всё время соскальзывала, и он пристроил её на спинке стула.

– Бизнес, Госпожа, чо ты хочешь, санкции... – Дима Дима пытался смотреть Зарине в глаза, по-прежнему на интимном расстоянии, но голова его, будто намагниченная, стремилась прилепиться к столу. Тогда он, с усилием преодолевая мощное притяжение стола, подставил под голову руку, та покачивалась.

– Вот ты пришла, нах, нарядная, детям помогаешь... А платьишко твоё не купили – слёзки закапали... А ты выйди, Госпожа хорошая, выйди, нах, спроси у этих всех чуваков, мля, вот, что здесь сидят, спроси: пацаны, мля, как там у вас дела? И все тебе скажут: жизнь, дорогуша, штука тяжёлая! Мля и нах. Сегодня ты на яхте девок катаешь, завтра лаптем щи хлебаешь, я те говорю... а вам тут платья от помпадуры, нах... Все поэтому бегут, Госпожа. Кто куда. А я – я остаюсь... Чо бежать-то, нах? Этот говорит, валите, тот – нах, сидите. Тот – евро, мля, этот – доллары... Биткоины, мля, мировой кризис!! На-ду-ва-ло-во! Кругом, нах... Штоб ты знала. Аналитики, мать их...

В эту минуту заиграл медляк и звезда проникновенным голосом вступила: Лаааааавэйуууууууууу ин зе мониииииииинг...

– Лавэ, всем подавай лавэ, – вздохнул Дима Дима, прижимая снова талию Госпожи. – Нет, честно, хотел свалить, нах, думал, да, свалю... партнёры звали, Шарлотта плакала,

мля, рыдала, прям, волосы... это, рвала... Давай, говорит, в Женеву или Лозанну, а я не хочу. Вот не хочу! Чо я там буду делать, в Женеве, а? Ну вот чо я там забыл? Я, Госпожа, наоборот! Их зову оттуда сюда, а он? Не знаю, говорит... Хочу. Мля. Рынок привлекает. Нах. А страшно!

– Кто он?

– Да ленинградский – нах – почтальон! Друг мой... Денег – во! – Дима Дима очеркнул шею. – Владелец, это... нах... заводов... Если рискнёт, так рискнёт!

– Да если так богат, оклемается, – заметила Госпожа.

– Один тоже так считал, мля, а бизнес прокакал – умер...

– Фи, – сказала Зарина.

– Да я ему говорю, а ты не сразу, исследуй, нах, то-сё...

А он говорит: you are right, мля! И, говорит, раньше короли ходили по своему королевству, мля. Одевались, как крестьяне, и ходили, и я, говорит, оденусь, как крестьянин, офисный рабочий, мля, и приеду к вам. И оделся, ты знаешь, нах, как оделся? Охренеть, как оделся! И приехал, Госпожа хорошая, приехал, нах... Инкогнито...

Дмитрий Дмитрий прыснул.

– Ну прикинь, чо захотел, нах... Изнутри узнать цивилизацию! Так и сказал «ци-ви-ли-за-ци-ю», ёпрст! Где он её нашёл? Я, мля, так и не понял, если чо.

– А как же он тут будет, с крестьянами, он разве говорит по-русски? – удивилась Зарина.

– И по-русски, мать его русская... и по-французски, и по-

всякому там, по-итальянски... Отец у него француз или... англичанин... басурманин, нах. А, забей! – Дима Дима махнул рукой и, отцепившись от Госпожи, потянулся за новой стопкой. Но как только его голова лишилась опоры, она тут же приклеилась к столу, на этот раз – намертво.

– Зарина, что сидишь? – Полина вернулась не очень довольная, медляк распугал всех одиноких птах, освободив, впрочем, место для вдовы Виктории, которая выписывала на паркете изящные линии с высоким сутулым джентльменом.

– Да чо танцевать, мля... – ответила Зарина, покосившись на бездыханного Диму Диму.

– Господа и Дамы! – обратилась к гостям Хозяйка, как только артист откланялся и все разошлись по своим столикам. – Дамы и Господа, наш благотворительный бал набирает обороты, впереди новые лоты! Поприветствуем работу художника Басюново-Пялькина!

Пока в зал вносили работу Басюново-Пялькина, изображающую натюрморт из рыжего горшка и охапки полевых цветов с названием «Голем Интерстеллар», Хозяйка вдохновенно продолжила:

– А наш бал набирает обороты ещё и в том смысле, Господа, что вскоре он встанет в один ряд с такими престижными балами, как «Красный крест», «Юнисеф» или «Амфар», и наш бал не только встанет в один с ними ряд, но будет самым наиблаготворительнейшим из всех, Господа!

– Из всех балов самый набал! – вторил ей посвежев-

ший после отдыха в кабинке Хозяин Усадьбы. Вооружившись молоточком, он приготовился взять наконец роль ведущего торгов. Но поскольку наш Хозяин являлся по совместительству владельцем клиники и всю свою жизнь мечтал обзавестись практикой невропатолога, то, прежде чем пустить молоточек в действие, он решил опробовать его силу на юношах-моделях, которые только что бережно расположили картину на сцене и теперь вытянулись по обе стороны от неё, подчёркивая собою красоту резной золочёной рамы. Хозяин деловито прошёлся по коленкам юношей, но те не выдали никакой реакции, если не считать лёгкого дрожания, которое, впрочем, можно приписать обычному волнению от пребывания на сцене, затем перешёл к локтевым сухожилиям и, простучав по ним, вдруг получил неожиданный глухой и вместе с тем раскатистый звук, какой обычно бывает от удара по чему-то глиняному или деревянному с полостью внутри. Хозяин Усадьбы остановился и подтянул очки ближе к переносице – на него смотрел сам Басюнов-Пялькин, припустившийся слева от юноши, и поскольку ростом он был невысок, а юноша был высок чрезвычайно, его наполовину лысая голова заканчивалась как раз там, где начинался локоть соседа.

– Позвольте, – недовольно проговорил он, потирая место ушиба и выбрасывая руку для микрофона, – я расскажу о своей картине лично.

Хозяин Усадьбы тотчас почтительно поклонился и в

самых елейных выражениях представил публике Басюнова-Пялькина как величайшего художника современности, «величайшесть» которого, судя по тому, что картины его плохо продаются, не вмещается в нынешние временные рамки, но простирается в века прошлые и грядущие, проще говоря, увековечивается.

– Господа, – начал «величайший художник современности», приняв микрофон. – Голем – это древний символ разрушения, символ нашей немощи перед таинственным, неизвестным, но в данном случае здесь не столько пугающе мрачно-каббалистическое или депрессивно-майринковское восприятие Голема, переданное рыжим, ржавым цветом горшка, сколько космически-апокалиптическое, почему мы и видим это в названии – интерстеллар, – но уже преодолевающее в себе чувство страха, и даже уже его преодолевшее, что выражается в цветах – чувство превосходства, чувство свободы, чувство красоты, если хотите! Отсюда эта трагическая комбинация страха и надежды, подавления и свободы, унижения и превосходства, земли и неба, ржавого, глиняного, неровного горшка и небесных, нежнейших, совершеннейших цветов! Но это далеко не вся коллизия, леди и джентльмены! – Басюнов-Пялькин несколько секунд стоял молча и чесал нос в размышлении. – Цветы – они сорваны, – продолжил он, – они стоят в горшке, и горшок поглощает их! А горшок – мы помним – это Голем, а Голем – мы знаем – это ржавчина, глина, то бишь, сама земля пожирает эти цве-

ты, ещё недавно ею самой порождённые. Дивному созданию природы уготована смерть, вот в чём дело! Но! Господа, – крутой поворот! Цветы, – здесь оратор ткнул пальцем в небо, прообразом которого являлся потолок усадьбы, – цветы увековечены на холсте, и они НАД, понимаете, НАД горшком! Они – триумф жизни, искусства, небес, триумф над ужасающей бренностью бытия! Вот и всё, что я хотел сказать...

– Прелестно, прелестно! – подхватил Хозяин Усадьбы. Он приблизился к Басюнову-Пялькину, ободрительно и вместе с тем благодарственно похлопал его по спине и тихонечко сунул ему в карман визитку с телефоном клиники, объяснив, что пока тот чесал свой нос, он, Хозяин Усадьбы, заметил, что рефлекс у художника нарушены, поскольку траектория движения его руки от бедра до носа была очевидно неровная, и, хотя он ни в коем случае не хочет никого пугать, будет не лишним, если Басюнов-Пялькин посетит невропатолога в самое ближайшее время.

Мой друг, пока художник, сминая в кармане визитку и складывая из пальцев фигу, произносил языческое оградительное заклинание (до моего слуха донеслось «едрить твою в качель», когда он проходил мимо), на меня напала такая страшная зевота, что рот растянулся подобно китовой пасти, готовящейся проглотить армаду кораблей, но за неимением последних в неё залетела невесть откуда взявшаяся жирная муха. Вероятнее всего, она, заснувшая по осени, отогрелась в лучах западной звезды, чей тёплый шлейф ещё держался

в воздухе, и, счастливая, летала под самым потолком огромного зала, пока каким-то неведомым образом и по какому-то роковому стечению обстоятельств не оказалась возле моего рта в момент втягивания туда воздуха. Но самое страшное даже не то, что она влетела в мой открытый зев, а то, что меня угораздило её проглотить. Пожалуюсь тебе, мой друг: не успела попасть в этот невольный капкан одна шальная красавица, как тут же подвернулась другая, и теперь я чувствую мух в своём животе. Честно скажу, ощущения эти весьма неприятны, хотя утешает, что уже никто, включая тебя, не скажет обо мне, что я и мух не ловлю, сидя здесь уже почти двенадцать часов, так что дело вплотную приблизилось к утру, и мероприятие плавно перетекло в брекфест. Превозмогая усталость и теперь сомкнув рот со всей тщательностью, как если бы привесили на него амбарный замок (так что, прости, придётся мне молчать), я побуду здесь ещё немного, до момента, когда конец завтрака ещё недоконец завтрака, а начало ланча ещё недоначало ланча и бранч – недобранч, и вот на этой тонкой грани недозавтрака и недоланча, вернее сказать, недобранчезового ланча, чтобы не вышло никакого недоразумения, я и улизну, подхватив парочку канапе.

Глава 8

В которой автор расстается с мечтой, а правящие царицы сменяют друг друга со скоростью одна царица в час

Нет, ну что за жизнь, я не ...огу и не ...ожелаю никако...у ...рагу! ...рости, ...ой друг, ...иной то...у а...рный за...ок, который растянул ...не гу...у, ...одожди, я закатаю её о...ратно!

Сейчас-сейчас, ...очти ...олучилось... Нет, ну что за жизнь... Вот так-то лучше... пожалуй, лёгкую припухлость надо оставить. Да, мой друг, прости, вчерашний – а по факту выходит, что сегодняшней – амбарный замок растянул мне губу, и пришлось закатать её обратно, чтобы продолжить повествование, ведь тебе, вероятно, интересно узнать, что произошло между недоланчем и бранчем, и я скажу (буквально в двух словах, так как мне нужно срочно паковать вещи), что после лёгкой порции угощения и после первой (а может, и второй) чашки кофе гости высыпали в фойе и стали фотографироваться для своих страничек: кто-то демонстрировал наряд на фоне press-wall, кто-то улыбался в камеру с хештегом «твори добро», кто-то постил фото несчастных детей и просил молиться хоть пять минут в день всем миром за покой и благополучие на земле, кто-то постил сразу и то, и

другое, и третье, так что ленты гостей вскоре переполнились идентичными картинками, которые тут же были залайканы по принципу «ты мне – я тебе». Что касается Госпожи, то она не хотела публиковать ни то, ни другое, ни третье, ни даже поставить кому-нибудь лайк, лишь когда общество собралось для совместного фото, она решила к нему примкнуть, вернее сказать, решила от него не отбиваться. И вот во время коллективной фотосессии к Зарине пристроилась одна подруга, в прошлом так просто закадычная, а сейчас милая приятельница Любаня, и поинтересовалась, не хочет ли Госпожа поучаствовать в одном шикарном мероприятии, после которого у неё наладится жизнь сразу на всех фронтах.

Что за подстава, подумала Зарина, беспокожно оглядывая толпу, будто где-то посреди неё, прикрываясь чьей-то нарядной юбкой, прятался подвох, но подруга, активный член ЖЗЛ, выглядела настолько искренней, что Госпожа решила расспросить подробнее о том, куда её приглашают и, главное, сколько будет стоить мероприятие (на этом вопросе она выставила клатч «Жизнь взаимы» ближе к носу собеседницы). Выяснилось, что не так давно клуб ЖЗЛ взяла под свою эгиду некая мадам, которая переименовала клуб из «Жёны замечательных людей» в «Женщины замечательных людей», а также организовала лекторий, куда привлекла лучших женских лайф-коучей, женских докторов ведической психологии, женских профессоров неведической дерматовенерологии, женских японских гуру, женских китайских лекарей,

женских прибалтийских шаманов, женских астропсихологов, женских архетипопсихологов, женских системных расстановщиков, женских НЛП-практиков, женских интегральных психологов, женских аффирмологов, женских кинозеологов, женских арт-терапевтов, женских профи в аксесс-барсе и ещё порядка двух сотен женских специалистов, перечень которых висит на сайте клуба (обещаю, если раздобуду пароль для входа, озвучу начатый список целиком). Все специалисты предлагали членам ЖЗЛ разнообразные мастер-классы, так что в иные дни обучение занимало едва ли не сутки, а иной раз даже без перерыва на обед, что не лучшим образом сказывалось на женской красоте, так что мадам решила устраивать выездные сессии, где лекции и практикум сочетались бы с первоклассным отдыхом и спа-процедурами, а в качестве пилотной версии организовала такую сессию в Дубае для себя и ещё троих счастливиц. Однако буквально накануне вылета мадам подвели семейные обстоятельства и, как это часто бывает, то же самое случилось с её лучшей подругой, появившейся в тусовке недавно, в результате обе – и владелица клуба, и её лучшая подруга – вынуждены были остаться в Москве. Но, как говорится, нет худа без добра: теперь в новёхоньком бизнес-джете, приобретённом для нужд ЖЗЛ, освобождалось целых два места, одно из которых может занять Госпожа, если только она согласится полететь. Тут Любаня, взглянув на клатч, добавила, что путёвка горящая и с оплатой они разберутся по факту. «Го-

рящая путёвка» в данном случае означала вылет прямо сегодня, буквально сразу после бала, почему мне и пришлось воскликнуть «что за жизнь, не пожелаю и врагу», но, если честно, второе освободившееся место в бизнес-джете я думаю занять для себя и потому собираю вещи даже быстрее, чем это делает сейчас Госпожа.

Дело в том, мой друг, что мне всегда хотелось иметь фото частного самолёта в своём Инстаграме*, вернее сказать, фото себя в его светлом кожаном салоне, в котором можно расположиться как душе угодно: например, задрать ноги на стол или соседнее кресло или оперев их в потолок, можно просто чинно усесться возле иллюминатора или напротив кабины пилота, но, может быть, я прежде взберусь на крыло самолёта или оседлаю этот джет, как коня, а может быть, упаду с трапа вниз лицом, для хохмы... – короче, мне уже давно пора выбегать из дома, чтобы успеть совершить задуманное и запостить все фото до вылета. Мой друг, рассчитываю на твои лайки и обещаю, что в ответ поставлю тебе свои, даже если в твоей ленте не будет бизнес-джета, а только какая-нибудь ерунда навроде лифта, автомобиля, метро или трамвайной остановки.

Признаюсь, самолёт своей красотой превзошёл все ожидания, им оказался новёхонький гольфстрим на двенадцать мест, выкрашенный глянцевой серебряной краской, блестящий, словно новогодняя конфета. Его зеркальный бок украшали три огромные буквы ЖЗЛ в цвете «флуоресцентная

фуксия», над которыми возвышалась такого же оттенка трёхзубчатая корона, по ступенькам блестящего трапа стелился розовый ковёр – жёсткий для каблучков, мягкий для взгляда и совершенно шикарный для фото, куда более эффектный, чем все эти набившие оскомину красные дорожки. И тем не менее (вероятно, из-за отсутствия каблучков) свой фотомарафон мне всё-таки захотелось начать с крыла – гладкого, переливчатого, как ртуть, очерченного стремительной линией, как если бы это был космический лайнер. Однако едва мне удалось взобраться на крыло и разместиться на нём удобнее для потрясающего селфи, снизу послышались сдавленные голоса Госпожи и Любани.

– Издеваешься? – шипела первая.

– Ей-богу, За-за-зарина, клянусь, она сказа-за-за-зала, их не будет обеих, – оправдывалась вторая, слышно было, как стучали её зубы, непонятно, от холода или от нервов.

– А про выдру эту что не сказала? Тоже не знала?

– Да какая раз-з-зница, За-за-за-зариночка, вот, ей-богу, какое тебе дело, кто это всё-сё-сё-сё устроил, жиз-з-знь наладится, говорю тебе!

Из-под крыла показалась Госпожа, одетая в кашемировый костюм оверсайз насыщенного кораллового оттенка и жилет из стриженной овчины, в руках её поблёскивал лаковый крокодиловый «биркин», причёска ещё сохраняла вечернюю укладку, лишь пара прядей выскочила на лоб, так как распирающее Зарину негодование заставило её несколь-

ко раз нервно тряхнуть головой и топнуть кроссовкой, правда, неслышно. Любаня, напротив, нарядилась с тем расчётом, чтобы не переодеваться на борту по прилёте, – босоножки с тонкими ремешками обхватывали её голые ступни, летнее платье даже не прикрывало коленей, а длинная хлопковая накидка состояла наполовину из кружева. Приятельница рассчитывала проскочить в салон как можно быстрее, но не тут-то было!

Дело в том, что из двенадцати мест бизнес-джета на долю клиенток приходилось лишь четыре: для Госпожи, Любани и некой Зинаиды Михайловны, получившей тур в подарок на шестидесятилетие от своей племянницы, прекраснейшей, между прочим, представительницы клуба, многодетной матери, четвёртое же место, как ты помнишь, своевольно занято автором. Так вот, сидя в зале частных полётов, ожидая регистрации в компании Любани и Зинаиды Михайловны, Госпожа вдруг увидела, как вошла ещё одна пассажирка, спешившая на их рейс. Судя по всему, у неё не было времени переодеться, и она заявила прямо с благотворительного бала на корабль (бывает и так), в вечернем наряде. Вновь прибывшую Любаня представила Госпоже как Марусю Рындицу, лучшую подружку Пассии, и только тогда до Госпожи дошло, что мадам, взявшая под свою опеку ЖЗЛ, никто иная как сама Пассия, и что, вероятнее всего, она потому отказалась от поездки в Дубай, что Любимый экстренно взял её в другое путешествие, и вместо неё, Пассии, теперь летит она,

Госпожа, в общем, когда Зарина это поняла, то...

То объяли её страшные гнев и возмущение, и, хотя гнев и возмущение уступили желанию наладить жизнь на всех фронтах, главным образом на одном фронте, любовном, Люббане досталось по первое число.

Мой друг, с болью в сердце, но не с отчаянием (теперь ты видишь, как важно вовремя закатать губу), сообщаю, что ввиду появления Маруси Рындиной мне придётся потихонечку соскользнуть с крыла, забыв про селфи, и проскользнуть внутрь самолёта, чтобы найти где притулиться, пока замёрзшая напрочь Люббаня и разгневанная Госпожа выясняют отношения у трапа.

Между тем к самолёту подтягивались прочие участники выездной сессии – главный коуч и вспомогательный персонал, для которого предназначались оставшиеся восемь мест. Итак, на серебряном борту летели:

- Стилист.
- Визажист.
- Фотограф.
- Лайф-коуч.
- Эксперт по трём «Э».
- Астролог.
- Кардиолог.

Все, разумеется, по женской части (и все – представители женского пола, кроме кардиолога и Эксперта по трём «Э», которых угораздило родиться мужчинами). Замыкала спи-

сок таролог – великая (в прямом значении этого слова) и загадочная (в коренном значении) Стефанида Потомственная. Поддерживаемая ассистентками – стилистом и визажистом, – она тяжело поднималась по трапу, перегородив путь астрологу и фотографу, так что эти двое, находясь в вынужденной пробке, успели обменяться услугами: астролог составила фотографу натальную карту, а фотограф запечатлела астролога на фоне бизнес-джета и задней части таролога. Последняя, наконец, преодолела верхнюю ступеньку и теперь стояла в дверях, пытаясь отдышаться. Тогда стилист, визажист, астролог и фотограф, а также примкнувшие к ним Любья с Госпожой, не сговариваясь, а только крикнув «раз-два-три!», подхватили Стефаниду, дружно, хотя и не без натуги, внесли в салон и водрузили на первое же кресло против движения самолёта, так что все остальные пассажиры находились теперь перед её глазами, как на ладони. Однако, к удивлению клиенток, лайф-коуча, кардиолога и Эксперта по трём «Э», глаза таролога оказались плотно сомкнутыми, и, мало того, едва устроившись на сидении, гадалка, раскинув по плечам длиннющие смоляные косы с двумя фиолетовыми прядями у лица, замерла в неподвижной позе, словно чёрный нефритовый Будда. Периодически она вздрагивала и низким простуженным голосом хрипела «поднимите мне веки», – её наращённые ресницы и вправду были весьма тяжелы. Едва ассистентки замечали, что Стефанида шевелит своими пухлыми пальчиками и не менее пухлыми устами,

собираясь произнести «поднимите...», как тотчас подбежали к ней и, встав возле перламутровых сиреневых век (одна у правого, другая у левого), на счёт «три-четыре» тянули вверх ресницы. Они удерживали их пока хватало сил, где-то четыре секунды, Стефанида же молча обводила пассажиров тяжёлым пристальным взглядом, желваки её при этом ходили вверх-вниз, придавая лицу зловещее выражение, так что у всех кровь стыла в жилах, особенно если её открытый взгляд совпадал с турбулентностью, но ресницы опускались, Стефанида Потомственная снова застывала в своей отрешённо-безмятежной позе, словно никогда не поднимала веки и никогда не видела наш грешный мир. А между тем этот мир уже давно скрылся под густым слоем потемневших облаков, и самолёт, блестящий зеркальный бизнес-джет, в котором эти облака отражались со всех сторон, так что он сливался с небом, и видно было только ЖЗЛ и корону, казалось, завис в воздухе, подобно орлу, высматривающему жертву.

Стюардесса поспешила внести в салон охлаждённое шампанское, фрукты-ягоды, прочую снедь, после чего вперёд выдвинулась статная лайф-коуч в эффектном брючном костюме.

– Дорогие дамы, – произнесла она, сама не понимая, насколько точно выражалась: дамы действительно были очень дорогими, кроме разве что Зинаиды Михайловны, в прошлом повара из армейской столовой, – дорогие девушки! Сейчас, когда мы с вами находимся на высоте 14 000 метров,

у нас появилась уникальная возможность для одного маленького упражнения...

Зарина взглянула в иллюминатор: привычный, в общем-то, пейзаж.

– ...Маленького упражнения, но с большим, дорогие дамы, смыслом, с него начнётся наше увлекательное путешествие по глубинам нашей прекрасной женской сути. Итак, почувствуйте себя властелинами мира – и ваша уверенность в себе, согласно последним исследованиям британских учёных, повысится на двадцать процентов...

«Куда уж больше», – подумала Госпожа, метнув взгляд на Рындицу, та уже приосанилась. Всем раздали короны, но Зарина отказалась и от короны, и от тиары, и даже от маленькой диадемы, сославшись на укладку. Теперь, когда на борту восседала близкая подруга Пассии, ей не хотелось выглядеть заинтересованной в такого рода упражнениях, в то же время Рындица, примерив корону, нашла, что та органично сочетается с её вечерним платьем, и принялась вживаться в образ. Однако не прошло и десяти минут, как она в сердцах кинула свой венец на пол и, едва ли не плача, заявила, что не чувствует себя никаким властелином, так как мир один, а властелинов уже трое. «К тому же, – добавила она, – властелин – это мужской род, а властелинша звучит как генеральша, то есть жена властелина, а это уже вторая роль вместо первой».

Лайф-коуч несколько оторопела, но быстро предложила почувствовать себя вместо властелинов царицами или коро-

левами – кому что ближе – по очереди. Решено было поделить время, за исключением взлёта и посадки между тремя участницами – выходило на каждую по часу с небольшим. Кинули жребий. Первой взойти на трон должна была Зинаида Михайловна, то есть Зинаида Первая, за ней Любани Первая, последней – Рындина, она же Маруся Первая.

Зинаида Первая явно была не в своей тарелке. Водрузив корону на голову, она всё никак не решалась от неё отцепиться и так сидела, придерживая венец руками.

– Ну и кашу вы заварили, – вздохнула она, – ну и замесили тесто...

Тогда лайф-коуч предложила сменить тяжёлую корону на лёгкую диадему, ведь в жизни женщины всё должно приносить радость и удовольствие, но Зинаида Первая, заметив, что хрен редьки не слаще, лишь плотнее прикрыла головной убор ладонями и так, виновато улыбаясь, высидела час, отказавшись от дополнительных минут. Правление же Любани Первой ознаменовалось брызгами шампанского, активной болтовнёй и смехом, так что, когда на трон заступила Маруся Первая, все уже были навеселе и не заметили, что последняя царица не сдала своих полномочий, даже когда самолёт пошёл на посадку.

Госпожа снова посмотрела в иллюминатор: бизнес-джет невозмутимо разрезал объявшаю их черноту, но внизу уже расстилалось море из стекла и огня.

Глава 9

В которой создаётся ажиотаж, с лица сползает маска, а Зарина визуазили... визуаризи... визуализиризилири... короче, представляет, а кого – читатель узнает в конце главы

– Рано рождённая вышла из тьмы розопёрстая Эос, лучи свои над ОАЭ простирая...

Чей-то медовый тенор, сопровождаемый треньканьем балалайки, разбудил Госпожу, и та, с трудом разлепив глаза, какое-то время блуждала по потолку бессмысленным взором, не сразу вспомнив, что этой ночью прилетела в Дубай, однако ослепительный луч, нагло втиснувшийся в щель между двумя глухими полотнами штор, являлся самым настоящим дубайским солнечным лучом, в этом не было никаких сомнений. Госпожа прислушалась: звук доносился с улицы.

– ...Глаза свои, аквамариновый цвет, Зарина-богиня раскрыла, – продолжал голос, – ложе своё покидая и взор обращая к низу...

Ошеломлённая Зарина вскочила с постели и, как была – растрёпанная, в коротенькой кружевной ночнушке, – выбежала на балкон. В отбрасываемой им тени, на зелёной лужай-

ке, поросшей мелкими цветами, восседал прекрасный юноша в белоснежной тоге с золотой кифарой в руках.

– Но что за блеск я вижу на балконе? – воскликнул он, мгновенно вскочив на ноги и воздевая руки к Госпоже. – Стань у окна, убей соседством Эос, она и так от зависти больна!

– Ты? Что за... Что за нафиг? – возмутилась Зарина, узнав в белозубом трубадуре юношу, выносившего на сцену картину Басюново-Пялькина. – Кто показал тебе сюда дорогу?

– Твой взгляд опасней двадцати кинжалов, взгляни с балкона дружелюбней вниз! У берега шёлкового, где белеет «Парус», зовут тебя стилист и визажист!

– На берег? В такую рань? – проговорила в недоумении Госпожа, оглядываясь на часы в комнате. – Нет и восьми часов!

– Глаза Богини озаряют мир вперёд мелодий птах небесных, – юноша изобразил на струнах кифары финальный аккорд, – прощай!

– Сто тысяч раз прощай! – отвечала Зарина, зевая. – Шёл бы ты подальше, спать не дадут...

– Сто тысяч! – воскликнул юноша. – Совсем другой разговор!

И побежал к балкончику Зинаиды Михайловны.

Между тем Госпожа сменила ночную рубашку на пляжное хлопковое платье и побрела в направлении отеля «Парус». Было восемь утра, воздух ещё дышал свежестью и негой, а

визажист уже колдовала над клюющей носом Любаней, стилист сортировала наряды по темам, давая Эксперту по трём «Э», тщедушному мужчине средних лет, подержать то одну вешалку, то другую, а то и две сразу, отчего он гнулся к земле и пытался опереться на Стефаниду Потомственную, восседавшую на песке в позе Будды. Фотограф прицеливалась к ракурсам: солнце благосклонно смотрело в объектив, давая правильный мягкий свет, кардиолог разливал кофе по фарфоровым чашечкам. Показалась Рындина. Всё в том же вечернем платье и с короной на голове, она, приблизившись к месту съёмки, капризно скривила губы и, к радости Госпожи, объявила, что как только откроются магазины, уедет на шопинг, поскольку, кроме надетого вечернего платья, у неё с собой ничего нет.

Лайф-коуч, она же куратор мероприятия, прямая и бодрая, в брючном костюме, шагала от пальмы к пальме, чеканя указания коллегам. Время от времени она подходила к поляне с угощением и выхватывала оттуда то сухарик, то орешек, то какую-нибудь ягодку.

– Девушки, дорогие! – воскликнула она, заметив, насколько вялыми и потухшими выглядели клиентки с утра пораньше. – Помните! Ваши социальные странички – это ваш рабочий инструмент! От вашего душевного состояния зависит настроение фотографий: будут ли они вдохновлять фолловеров или нет. Вы должны сверкать, как звёзды, и ваш мужчина, между прочим, должен чувствовать, что обладает чем-

то драгоценным – брильянтом, уникальной дивой! Вы, дорогие мои, должны создать вокруг себя АЖИОТАЖ!

На этих словах куратор раздала своим подопечным визитки с сервисами по накрутке фолловеров.

– Кхе-кхе... – Эксперт по трём «Э» неодобрительно кивнул на визитку. – Кхе-кхе... здесь возникает проблема первого «Э»: Этическая, так сказать...

– Главное, что не Эстетическая, – отвечала коуч, смерив взглядом эксперта, – всё остальное не проблема вовсе.

– Хвалёная капуста полна гнилых кочанов! – послышался голос Зинаиды Михайловны, она и трубадур подошли к накрытой поляне. Одной рукой юноша удерживал золотую кифару, другой – руку спутницы.

– А где вы обычно берёте капусту? – поинтересовался кардиолог. – В «Ашане» или «Пятёрочке»? Я советую вам «Фермерский продукт».

– Здесь есть проблема второго «Э», – заметил Эксперт по трём «Э», – всегда смотрите на Этикетку...

Бывшая повар наградила его презрительной ухмылкой.

– Для капусты, – вмешалась астролог, – лучше выбирать время, когда ретроградный Меркурий входит в созвездие Стрельца и когда дельта Кассиопеи, минуя туманность Пулпеи, перемещается на...

– Ах, если бы глаза её на деле переместились на небесный свод! – воскликнул вдруг трубадур, направляя на Зинаиду Михайловну огненный взор.

– Вот фрукт! – Зинаида Михайловна просияла, но высвободила руку и протянула её за кофе. – Вот ведь жгучий перец! Мой взгляд сравнил с разделочным ножом! Опасный, говорит...

– ...При их сиянье птицы бы запели, принявши ночь за солнечный восход!

«Фрукт» присел под пальму и, пока клиентки завтракали, продолжил тренькать на кифаре, всё ещё кидая взоры на недавнюю спутницу.

– Ах, девочки, смотрите! Вот что имела я в виду! Улыбку! Стать! Горящие глаза! – вскричала куратор, указывая на Зинаиду Михайловну, и, оправив блузку под пиджаком своего брючного костюма, сделала пару глотков шампанского, отчего и её глаза заблестели.

И то ли внутреннее сияние Зинаиды Михайловны передалось Госпоже, Любане и даже Рындиной, то ли восторженность коуча оказалась заразительной, а может быть, кифара пригожего трубадура взбудрила сонных дев, подобно тому, как сказочные гусли любого пускают в пляс, – здесь сложно утверждать, а только фотосессия понеслась во всю прыть, и к десяти часам утра у каждой клиентки было примерно по тысяче снимков, готовых к публикации.

– Эх, – воскликнула Зинаида Михайловна, увидев себя цветущей дивой, лет на двадцать моложе, – красна свёкла, хоть и в чёрной земле растёт!

– Да ниспошлёт тебе Меркурий для свёклы лучший день

и час! – пропел юноша.

– Овнам благоволит Венера, – вставилась астролог, – и ретроградную её петлю, что в знаке рака, вполне накинуть можно на тельца или на льва, иль даже на весы, а если повезёт, на близнецов!

– Так отчего же, – изумилась Зинаида Михайловна, – попался мне козёл?

– Не только вам! – воскликнула Зарина, но тут же прикусила язык и оглянулась: на счастье, Рындина, отсмотрев фотографии, уже уехала на шопинг.

– Вам нужен воздуха глоток, вам нужен – это очевидно – Инстаграм*! – предложила Любаня. – Жизнь только начинается у вас!

Загрузили Зинаиде Михайловне Инстаграм*, тут же опробовали сервисы по накрутке фолловеров, организовали миллион подписчиков. Но, увидев, что из миллиона лишь четыре поставили лайки, обеспечили и лайки.

– Круть! – присвистнула Любаня: кадр, где Зинаида Михайловна прилегла под пальму, отдыхая возле трубадура, отметили уже пятьсот тысяч. – Готовьтесь теперь понести на себе всю тяжесть чужой зависти, – вздохнула она.

– Не нужно носить на себе никакие тяжести, – возразила лайф-тренер, – вы должны быть лёгкими и необременительными! Помните: легкими и необременительными! Весёлыми и довольными! Счастливая женщина уравновешена и гармонична! Мудра и спокойна! У-рав-но-ве-ше-на, – вскричала

вдруг она, начав ритмично поднимать то левую, то правую ногу, – левой, левой! Не-о-бре-ме-ни-тель-на, правой, правой!

Трубадур пустился щипать кифару, пытаясь подстроиться под ритм.

– Муд-ра! Муд-ра! – лайф-коуч жестом приказала своим подопечным присоединиться и, дождавшись, когда за ней выстроятся Любаня, Госпожа, Зинаида Михайловна с трубадуром и синхронизируются с ней в движениях, направилась к зоне спа. –левой, левой! Счаст-ли-ва! Правой! Правой! Ус-пеш-на! Нет! Кислой! Мине! Нет! Нет! Нет!

– Не знаю, – шепнула Зинаида Михайловна Госпоже, которая, между прочим, всё норовила вместо левой подставить правую ногу, – а по мне так лёгкая кислинка всегда пикантно...

И так они промаршировали вдоль пляжа, где к ним попытались пристроиться несколько сопливых малышей, думая, что это аниматоры набирают группу для игр.

– Бааааагини! – вскричала коуч возле больших стеклянных дверей, где, наконец, развернулась. – На месте СТОЙ! Раз-Два!

– Do you have an appointment? – Из дверей показалась администратор спа и поклонилась всей компании.

– WHOOP, – тяжело дыша отвечала куратор, мокрая насквозь. – Women (happy – I hope!) of the outstanding persons. – Администратор поспешила раскрыть вход шире.

Клиентки зашли внутрь и бухнулись на диваны под кондиционером. Зарина закрыла глаза, тонкие ароматы благовоний будили воспоминания о Сейшелах, Мальдивах и Гавайях, где она наслаждалась счастьем с Любимым...

– Так вот, – продолжила лайф-тренер, жадно отпив из стакана с водой, – ...о чём это я? Ах, да! Весёлыми и довольными! Женщина должна уметь общаться БЕЗ ссор! Восторгайтесь вашим избранником – что бы он ни делал! За всё! За всё благодарите! Поклоны разучите до земли!

– Это дедом-то моим я должна всё время восторгаться? – удивилась Зинаида Михайловна. – Да он не знает, как залить заварку кипятком, не знает, как включить плиту, чтоб разогреть обед! Не знает, сколько стоит молоко!

– О! – откликнулась тренер. – Как много слуг у вас должно быть!

– Есть одна! – отвечала Зинаида Михайловна, в голосе её слышалась печаль.

– Но помните тогда, что мнение его – единственно возможное из всех!

– Это деда-то моего, – не выдержала Зинаида Михайловна, – это моего-то козла единственно верное мнение?

– А если всё-таки ты с мнением не согласна? – спросила Любаня, приподнявшись на локтях и удивлённо хлопая ресницами.

– Вы скрыть должны своё разочарование! – отрезала коуч. – Страх, неуверенность и боль должны погребены быть

под короной! А в ней сверкать должны улыбка, смех – что жемчуга! И взгляд приветливый – что изумруды! Не докучать вопросами, не выражать претензий, не видеть ничего вокруг, когда к вам милый друг направил стопы! Но, – здесь коуч обвела глазами слушательниц, – если всё-таки вам хочется узнать, что именно у него в голове, – пожалуйста: карты Таро к вашим услугам! – куратор раздела визитки Стефаниды Потомственной.

Последнюю уже вносили в помещение стилист, визажист, фотограф, астролог, кардиолог и Эксперт по трём «Э», который, сгрузив таролога, кое-как доплёлся до диванов и упал навзничь без признаков жизни.

Тем временем массажисты и косметологи вышли к зоне отдыха, чтобы забрать на процедуры членов WНООР, и Зарина, воспользовавшись моментом суеты, подскочила к коучу:

– Всё то, что слышу я, знакомо мне и так, – сказала она, заламывая руки, стараясь говорить как можно тише, – но тренинг всё же ваш предполагает, что женщина уж кем-то обладает, у женщины реально кто-то есть! А если нет?

– Как нет? – удивилась коуч. – А Пётр Але...

– Я не она, – отрезала Госпожа.

– Ах так! А так похо...

– Не я, и не он, и не тыыыы, и то же, что я, и не то же: так были мы где-то похооооожи, что наши смешались чертыыыы, – завёл юноша, теперь он опробовал цимбалы.

– Заткнись, – прошипела Зарина.

– Есть способ не остаться старой девой... – шепнула тренер, – как только ляжете вы на кушетку в спа-салоне, глаза закройте, начинайте представлять: что вот уже жена вы, а супруг ваш – тут вообразите все его черты до мелочей: каков он на лицо, как ходит он, что говорит, что ест на завтрак...

– Круассан!

– Вот-вот!

– А состояние его? Должна ль подробно я представить?

– Здоровья?

– Я не алчна, пусть его немного будет, я о другом... а впрочем, всё и так понятно!

Зарина поспешила вслед за своим косметологом и, едва расположившись на кушетке, закрыла глаза. В голову полезли шейхи в белых головных уборах и белоснежных просторных платьях, все они выстроились в хоровод вокруг Зарины, и каждый хотел минуточку её внимания, но вот один из шейхов, самый крупный, выдвинулся вперёд и взглянул на Зарину так пронзительно, что по телу побежали мурашки. Это был Любимый, и, надо признать, ему очень шли кандура и гутра, как будто он в них родился.

– Ах, Петя, что наделал ты? Ужель мои объятия для тебя, что хлад колючий для индейца майя? – вздыхала Госпожа, держа на лице очищающую маску с лёгким эффектом пощипывания для лучшего дренажа.

Внезапно Любимый подхватил Госпожу на руки и закру-

жил, а она была в чёрной дизайнерской абайе, и так они кружили, как инь и янь, пока из пены морской не вышла Пассия, атласная её кожа розовела в закатных лучах, тёмные локоны змеились по алебастровым плечам, – Госпожа зажмурилась, маска растрескалась, ссыпалась с лица, и косметологу пришлось нанести её ещё раз.

– Что даст она тебе? – взвыла Зарина, ударившись о песок, потому что Любимый тут же бросил её и, словно замороженный, направился к морю. – Что, Петя, даст тебе вот эта выдра? Вернись ко мне, я дам тебе фамилию свою, ты будешь Господин, я – Госпожа!

Тут Зарина унеслась в интерьеры сериала «Великолепный век», и Любимый уже был не шейх, а султан Сулейман, и все склоняли перед ним и перед нею головы и говорили: «Да, Господин!» и потом «Да, Госпожа», а иной раз говорили сначала «Да, Госпожа», а уже потом «Да, Господин», но снова появлялась Пассия в велелепых одеждах, и даже ещё велелепее, чем Госпожа могла себе представить, – и вот султан уже клонился к ней, и вот уже её главу венчал короной, а Госпожа садилась в лифт многоэтажного гарема и нажимала «минус первый», где пряталась теперь её светлица, пардон, темница.

Зарина снова жмурилась, ещё сильнее прежнего, и маска сползала с её лица, как грунт сползает с гор...

– Тьфу, – плюнула она.

– Oh my Goddess! – вырвалось у косметолога.

Но вдруг раздались чарующие звуки цимбал, это трубадур

пристроился у комнаты Зинаиды Михайловны, и Зарина, очнувшись от прежних мечтаний, попыталась представить всё заново.

– Ну нет, – прошептала она с энтузиазмом, в котором, однако, прятались нотки боли и ненависти, – пора восстать из пепла. Перезагрузка – вот теперь мой лозунг! Глаза богиня раскрывает наконец – аквамарины! Вот слово верное: Богиня статью, выдержкой Богиня! Богиня вместо Госпожи – звучит!

И вот они с супругом делят завтрак: с ванилью золотистый круассан, и кофе пьют, и миленько щебечут, любуются на них десяток слуг. Супруг хорош собой (Любимый нервно курит). Так кто ж он? Может быть, француз? И наподобие Катí, Денí, Ренí иль Амелí, он будет звать её Зарí? Зари Богиня!!! Оооо!!!

Тут постучали в дверь.

Глава 10

В которой Зинаида Михайловна ищет соль, Любаня взвешивает pro и contra, а на подступах к экзосфере творится неладное

Стилист и визажист тихонечко подошли к кушетке и, наклонившись к Госпоже, торжественно произнесли:

– Клуб ЖЗЛ имеет честь, а также радость, счастье, кайф, экстаз (всего не перечесать) вас пригласить на Обужин: на званый ужин и обед, на два в одном.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Зарина поднялась и первым делом посмотрела в зеркало: лицо порозовело, кожа, гладкая и ровная, сияет, как у юной девы. Глаза, как два сапфира, зубы – жемчуга, а губы – что коралл и далее по списку.

– Буду!

Тогда стилист выдвинула вешалку, на которой красовалось длинное, до пола, белое платье с изысканной драпировкой и золотой каймой.

– Для вас я образ специально подбирала...

И вот Зарина облачилась в платье, а визажист чуть шим-

мером коснулась скул, а век хайлайтером коснулась, консилером по носу провела, а люминайзером лишь точку на губах нарисовала («лук купидона» обозначила слегка), немножко бронзера добавила на лоб, а волосы изящно закрутила и ленту золотую в них вплела.

– Богиня! Что сказать! – воскликнула стилист, а визажист без слов осталась.

– Сопроводите, плиз, – Богиня молвила.

Огромный зал, куда вошла она, был весь из мрамора, с потолка на длинных нитях свисали лампы в разноцветных абажурах, по кругу разместились золотые лежаки, их отделяли друг от друга свечи. За лежаками прозрачные висели занавеси, а сверху них – потяжелее ткани, подвязанные по бокам кручёными веревками с тяжёлыми кистями. Узорчатый ковёр по центру служил столом...

Но Госпожа, лишь мельком оценив убранство, повсюду высматривала лайф-коуча. Наконец она заметила её в самом дальнем конце зала в компании шеф-повара. По всей видимости, куратор пыталась втолковать ему, как по-особенному подать блюда и сервировать их, в ответ повар деловито кивал, переминался с ноги на ногу и периодически делал порывистое движение в противоположную от собеседницы сторону, но коуч мгновенно хватала его за локоть, и шеф снова принимался кивать, да так интенсивно, что его форменный колпак, не удержавшись однажды на голове, плюхнулся на пол.

Зарина поспешила к коучу и, едва поравнявшись с ней, зашептала на ухо:

– Я всё напредставляла... Мужа, завтрак, имена, гражданство – всё!

– Так держать! – отвечала куратор, разворачиваясь к Госпоже.

Тут повар, улучив минуту, бежал на кухню, подхватив колпак.

– А дальше что?

– А ничего, визуази... визуалири... визуа... лири... зили... короче, представляйте всё то же самое три раза в день в течение недели, потом возможен перерыв, а дальше повторяем курс...

– Однако ж странно... – пробормотала Госпожа.

– Однако ж! Посмотрите на себя! И голос! И посадка головы! И гордость стана! Плеч разворот! И сутки не прошли!

Между тем в зале нарисовались Любаня в летящих розовых шелках и Зинаида Михайловна в образе богемной львицы: на голове тюрбан, в руках монокль, браслетов на запястьях килограмм, широкий тканевый ремень на платье, красивишная – в пух и прах! За нею увивался трубадур, на этот раз с гитарой шестиструнной. Расположились все на лежаках.

Трубадур, усевшись на маленькой подушечке с помпонами, ближе к Зинаиде Михайловне, вскинул гитару и, оттянув верхнюю струну как можно дальше, отпустил, та задро-

жала густым «ми». Неприхотливое, на первый взгляд, музыкальное сопровождение, однако ж, способствовало великой цели: аккумулировать энергию Госпожи, Любани и Зинаиды Михайловны в единое целое, так называемый «Положительный Заряд Счастья» (известный как ПЗС), а затем отправить этот заряд в небесные сферы: сначала в нижний воздушный слой – в тропосферу, а оттуда – в страто-, мезо-, термо- и экзосферу, после чего ПЗС должен распространиться по всей орбите, охватив собою земной шар (даже не шар, а шарик, каковым он кажется с высоты экзосферы).

– Наш Обужин, – торжественно начала лайф-тренер, слегка прикрыв глаза, ладони её были сложены в молитвенном жесте, – наш Обужин заканчивает день. Благодарим за всё, что день принёс, и хоть он был тяжёл... непрост...

– Непрост? – удивилась Зинаида Михайловна. – Помилуйте! Да у меня бывали дни, когда кормила я по семь полков, а после – жарила картошку деду, старалась! Под его «бу-бу»... – рассказчица утёрла вдруг набежавшую слезу, за которой, впрочем, тут же поспешила другая, – я думала, с ума сойду, я, если честно, думала, уеду... Сбегу!

– Тот факт, что вы кормили семь полков, не делает вам чести! – возразила коуч с презрительной ухмылкой. – И вы ещё сказали, что после этого нажарили картошку мужу, который, я смотрю, с ленцой, и – даже не пытайтесь возражать – ему вы предложили голубцы! И расстегай! И пахлаву вдобавок к расстегаю...

– И греческий салат. – Склонила голову Зинаида Михайлова.

– И муж, меня поправьте, если вдруг не угадаю, «спасибо» даже не сказал!

– Не то, что не сказал... а обозвал неряхой и этой, как её, овцой!

– Да, овен вы, – подтвердила астролог.

– Вот-вот, овца и есть! Не любите себя! Не позволяете любить! Но это чувство НУЖНО пробудить!

– Семь перемен, а редька всё одна, – Зинаида Михайловна всплеснула руками, браслеты её печально звякнули, – чего уж тут... вся жизнь под хвост коту...

– Да это что! Вот случай был, – встряла Любаня, – я сделала тату, а мой бойфренд на тот момент катался в Альпах, и вот он приезжает, заходит в дом, меня зовёт, а я не отрываюсь, ну он проходит дальше в дом, идёт, идёт, ещё прошёл – тут я сижу, а платье у меня – вот здесь вот так, а здесь вот эдак, а тут – с одним плечом... Бойфренд приблизился и – упс – губами он к плечу прилип! И вдруг, прям на плече, своей компании он видит логотип!

– Ну надо же, – ахнула Госпожа, – какой неординарный креатив!

– А соль тут в чём? – спросила Зинаида Михайловна, наставляя монокль на плечо Любани.

– А в том тут соль, – пояснила лайф-коуч, – и сахар, кстати, тоже, и лист лавровый, как же без него, и паприка, и пе-

рец, и мускат, и кардамон, и кориандр, куркума, тмин, ажгон, кумин, корица, розмарин и... и...

– И базилик, быть может? – подсказала Зинаида Михайловна.

– И базилик... и эстрагон...

– Эстраген, – поправила Любаня.

– Вот-вот! Всё верно – Эстраген! И...

– И? – вскричала в нетерпении Зарина.

– Богини вы, и всё, что нужно вам, – лишь это осознать!

Итак, за мной вы приготовьтесь повторять...

Трубадур, увидев, что тренер снова склонила голову, другую оттянул струну.

– Я принимаю себя, – медленно вступила куратор, нажимая на каждое слово, – принимаю себя, все свои чувства и желания с их неповторимой сутью...

– А что делать, – перебила дотошная Зинаида Михайловна, – что делать, если у моих желаний суть очень повторяемая, одна и та же изо дня в день?

– Не суть, – отвечала коуч, – не суть важно... Я принимаю своё тело таким, какое оно есть, во всей его красоте и всём его совершенстве...

– Оу, – воскликнула Любаня, – своё совершенство гораздо легче принимается, чем чужое!

– ...Пусть моя любовь к себе будет так сильна, что я никогда не отвергну себя, не стану лишать себя счастья, внутренней свободы и любви, я принимаю себя без осуждения,

ибо, когда я сужу себя...

– Как можно судить себя, не имея юридического образования? – возмутилась Любаня.

– ...То признаю себя виноватой и вынуждена наказывать и корить себя, а это сбивает меня с пути любви...

«Когда я в последний раз себя баловала?» – вздохнула Госпожа.

– ...Я очищаю свой ум от эмоционального яда самоосуждения, чтобы я могла жить в полном покое и любви... Пусть моя любовь к себе будет так велика, что я стану свободной от чужого мнения, я буду жить и поступать по искреннему велению сердца моего, пусть на лице моём сияет улыбка, придающая мне внешнюю и внутреннюю красоту, пусть я так сильно полюблю себя, что буду неизменно радоваться общению с собой...

– А на какие темы? – уточнила Зинаида Михайловна.

Но в то время как звучал последний вопрос, а положительная энергия членов ЖЗЛ уже преобразовалась в Положительный Заряд Счастья и, мало того, этот заряд стремительно приближался к границам стратосферы, растворились тяжёлые узорчатые двери и в зал под предводительством шеф-повара в праздничном колпаке втянулся караван из статных смуглых юношей, на их мускулистых бёдрах поблёскивали золотые юбочки, кипенно белые перчатки горели синеватым огнём на фоне обнажённых торсов. Одни красавцы несли широкие подносы, доверху наполненные ви-

ноградом, ананасами, дынями, арбузами и прочими дарами южной флоры, другие – кручёные шпаги с дымящимся шашлыком, третьи – драгоценные кубки вина, четвёртые держали блюда, накрытые серебряными клошами. Последних юношей шеф выдвинул в авангард, сам при этом стал по центру и, дождавшись, когда внимание гостей целиком сосредоточится на нём (что было неизбежно ввиду грандиозности сверкающего, как утренний снег, праздничного колпака метровой длины), провозгласил:

– Леди энд дамы, позволяйте вам представить на праздничн абужин – пааааааштет из соловьиный язычка...

Дамы принялись хлопать, пока юноши приоткрывали один за другим крышечки, те лязгали о тарелочки, так что в целом вышло довольно шумно, и повар вынужден был говорить громче.

– ...По древний рецепт! Вееееерблюжий пятка в соусе из джиджер и трава! Жареный павлин, журавль и цапля с белый трюфель! А также – петушиный гребешок с пьемона чииз и мусс из яиц белков!

По мере того как шеф расписывал позиции меню, а юноши разносили яства, глаза Зинаиды Михайловны расширялись и наполнялись восторгом, наконец она не выдержала, вскочила со своего золотого ложа и подлетела к повару с просьбой расписать ей эти рецепты как можно подробнее:

– У меня, – говорила она, – подруга в армейской столовой так и работает и муж, горе луковое, большой гурман!

В это время трубадур взял несколько пробных аккордов, в размышлении насчёт репертуара, но, увидев, как Зинаида Михайловна птицей сорвалась с насиженного (вернее, налёжанного) места в направлении шефа, который, надо признаться, производил впечатление ну очень сильного мужского плеча, начал перебирать струны так проникновенно, что лайф-коуч, а с ней и Любаня, едва заслышав первые строки, поспешили наполнить свои чарки до краёв и присоединиться к пению:

– Не уходииииии, – тянул трубадур, – побудь со мнооооююююю, здесь так отрадно, так светло, я поцелуууууууями покрою...

– Покроооооюююю, – тянули коуч и Любаня.

– Уста и ооооочи и челооооо...

– Так вы говорите, – снова раздался голос Зинаиды Михайловны, она-таки вернулась к своему лежаку, но не одна, а в компании шеф-повара, тот галантно помог ей расположиться удобнее, а сам присел рядышком. Его колпак отбрасывал на собеседницу (однако ж, заметим, пока ещё не на её репутацию) огромную шевелящуюся тень. – Так вы говорите, – Зинаида Михайловна глядела на повара во все глаза, – солёный помидорчик к шашлыку из фазана лучше подавать в сахарном желе?

– В сахарном желе, – подтвердил шеф.

– А напоследок я скажуууууу... – трубадур перешёл на следующую композицию в своём плейлисте, – прощай, лю-

бить не обязуйсяяаяя...

– Вот он! – воскликнула заметно раскрепостившаяся Зинаида Михайловна, подставляя свою чарку под щедро льющееся вино и прихватывая бёдрышко павлина. – Эх, погоди! – Встряхнула она плечами. – Погодь, прошу! Начни сначала! Вот этот вот романс – любимый у моих финансов!

Но гитарист вдруг поперхнулся и сделал неловкое движение кистью, так что получился «бряк», а после «треньк», а после – ээээ, как это ни грустно, – «шмяк», и так затих, упершись головой в пол.

– Кхе-кхе, всё это древнеримский рацион, – обратился к дамам Эксперт по трём «Э», указывая на поляну с яствами, – и здесь уже проблемы с третьим «Э»: согласно Этикету, для него излишни вилки и ножи, достаточно двух рук. Но, кроме разве что верблюжьей пятки и соловьиного паштета, – здесь хорошо иметь иглу ехидны.

– Да ладно, – возразила Госпожа, – иглой ехидны напугали холодец. Игла ехидны – это пика для сердец. И знаю я одну ехидну...

– «Сердца» – на букву «С», на «Е» ехидна – нет, в них я не эксперт, – заявил Эксперт по трём «Э» и тихонько положил себе в рот кусочек павлина с трюфелем.

– Ну что? Где музыка? – воскликнула Зинаида Михайловна.

Тут кардиолог к трубадуру подскочил и пульс пощупал, посмотрел зрачки...

– Хм, – сказал он. – Эх-хе-хе...

Затылок почесал, и кашлянул, и крикнул... помолчал... затем сказал (хотя и несколько несмело):

– Попробуйте, друзья, попеть вы «а капелло», надеюсь, что получится у вас...

И вот в тот момент, когда Госпожа, Любана, Зинаида Михайловна и лайф-тренер дружно завели «Ямщик, не гони лошадей», один из смуглых юношей, нет, двое смуглых юношей подошли к стойкам, отделяющим круг лежаков от остального пространства, развязали шторы, что потяжелее, и распустили их над шторами, что полегче, и таким образом закрыли занавес!

– Э! – так и вырвалось у меня, но это уже проблема четвёртого «Э» в его чистом понятийном ядре, а по этой проблеме, к сожалению, эксперт отсутствовал, так как был приглашён на симпозиум в Калифорнию, но не спеши огорчаться, мой друг: кубки, из которых наши героини пригубили неоднократно, оказались настолько глубоки, что их содержимое хорошенько промыло нашему квартету голосовые связки, и чтобы услышать всё происходящее за кулисами, не нужно напрягать ни слух, ни фантазию, поэтому не переключайся: романс уже подошёл к третьему куплету, а именно к фразе «боль незакрывшихся ран останется вечно со мной», и здесь Зинаида Михайловна обратилась к Любане:

– Хоть совершенство ты, – сказала она, – а мажешь «соль»!

– Всё соль вы ищите! – отмахнулась Любаня, хотя и попыталась при этом откашляться.

Зинаида Михайловна, конечно, придралась к ней на пустом месте – она смазала не «соль», а «ре бемоль», да и не смазала вовсе, а так, дрогнула голосом на обертоне.

– Всё ищите вы соль, – повторила Любаня, – и не находите, тогда как соль и эти... как их... все приправы, что перечислили в начале Обужина, – метафора всех наших совершенств! Ужель не догоняете?

– Но коль, – не унималась Зинаида Михайловна, – считаешь ты себя собраньем совершенств, то курсы эти на фига тогда? И что же, члены ЖЗЛ, неужто хренью вы страдаете?

Но Любаня парировала:

– Хоть совершенство я, а стану совершеннее ещё! Усовершенствую свои я совершенства, чтобы счастливой быть на зависть всем!

Короче, между Любаней и Зинаидой Михайловной развернулся философский диалог с филологическим уклоном, который, ввиду наличия у обеих по кубку, вёлся на специфическом наречии из разряда «чем дальше в лес, того и тапки», так что неискушённый слушатель рискует утратить глубину смыслов, увлекшись внешними логическими схемами. Сдаётся мне, мой друг, что этой словесной баталии для пушкого её понимания требуется подстрочный, вернее, синхронный перевод, что я сейчас и сделаю.

Итак, ещё раз: Зинаида Михайловна на фразе «боль неза-

крившихся ран останется вечно со мной» обратилась к Любани со следующим вопросом (опустим здесь и соль, и ре бемоль):

– Хотя, Любаня, ты и обладаешь всей совокупностью качеств, достигших своих вершин, то есть качествами совершенными, а следовательно, остановившимися в своём развитии, ибо «совершенство» как целокупность высших качеств есть константа неизменяемая, и перфектность совершенства, его законченность и завершённость мы яснее увидим, когда существительное «совершенство» обратим в глагольную форму «совершить», отчего становится нагляднее и нелепость фразы «совершенствовать совершенство», как если бы мы произнесли «потерять потерянное» или, что ещё абсурднее, «выпить выпитое». В связи со всем вышеизложенным есть ли, Любаня, какой-либо смысл в посещении тобою подобных тренингов? Не есть ли это блажь?

– Взвешивая pro и contra, – отвечала Любаня, – можно сказать, что в курсах больше «pro», нежели «contra», ибо «non progredi est regredi» – «не идти вперёд значит идти назад». Если исходить из парадигмы о беспредельности совершенства, под чем я понимаю известную всем фразу «совершенству нет предела», и заставить высказывание Гёте «сознание своего несовершенства приближает к совершенству» звучать корректно, а именно: «сознание своего совершенства приближает к совершенству», то мы с вами получим rigorически верное утверждение без примесей амбивалентно-

сти.

– В таком случае, Любаня, – продолжила Зинаида Михайловна, приподнимая тюрбан и почёсывая под ним макушку, – в таком случае на ум мне приходит высказывание несравненного Лоуренса Стерна: «Существует известный предел совершенства, достижимый для человека, взятого в целом, – переступая этот предел, он, скорее, разменивает свои достоинства, чем приобретает их», item, позволь мне вспомнить и Томазо Маринетти: не кажется ли тебе, что «само твое совершенство и есть твой главный недостаток?» И в этом смысле, Любаня, не кажется ли тебе, что толика «regredi» оказалась бы для тебя спасительна, явилась бы, vere, определённым благом для тебя?

– Всё же надо определиться с дефиницией двух упомянутых вами терминов, – отвечала на это Любаня, – а именно: «благо» и «блажь». Стоит различать коннотацию этих понятий, не отходя, впрочем, от семантики двух представленных лексем. И, однако же, хотя архисема «блага» и «блажи», их имманентность едина и нисколько не дивергентна, всё же здесь очевидно даже невооружённому знаниями обывателю, что именно «блажь» наиболее соотносится с «блаженством», как «рожь» соотносится с «роженицей». И, подобно тому как рожь, наливаясь семенем, питает свою плодородную сестру – роженицу, так и, продолжая данную экстраполяцию, и блажь, если регулярно её ублажать, неминуемо приведёт нас к блаженству. Но блаженству, согласно мо-

ей апперцепции, неизменно предшествует совершенство...

– Либо проистекает из него, – произнесла Зинаида Михайловна, и по звуку, который последовал за этой сентенцией, можно было предположить, что она ещё хлебнула из кубка, то ли вина, то ли воды, коей в этом диалоге было, конечно, премного.

Вообще синхронный перевод философических бесед с филологическим уклоном – вещь довольно специфическая, она требует навыка и сноровки, знаний терминов и профессиональных фразеологизмов, а поскольку для меня это первый опыт, то здесь можно смело заменить слово «опыт» на «блин», не повредив ни его коннотации, ни экспрессии. К сожалению, мне не удалось перевести семантическое значение слов «месть» и «местность», а также «ложь» и «ложбина», приводимых в пример Любаней в качестве идентичных понятий, не удалось найти высокофилософический эквивалент фразе Зинаиды Михайловны «много ржи да всё лебеда», а кроме того, переводить синхронно мне приходилось на такой скорости, что не оставалось времени для складывания рифм, отчего поэтичность оригинального слога утратилась – и всё-таки диалоги эти, несмотря на погрешности моей интерпретации, довольно занятны, и даже, вполне вероятно, находятся на грани нового слова в филологии и философии, поэтому очень советую тебе ознакомиться со следующими изданиями, выпущенными не без моей протекции:

«Диалоги Зинаиды Михайловны и Любани о совершен-

ном совершенстве». – М.: Издательство «ЖЗЛ», серия «Диалоги замечательных людей», 2018. – 854 с. (офсет, кожа, золотое тиснение).

А также «Диалоги Зинаиды Михайловны и Любани о блажи и блаженстве: В 3 т.». – М.: Издательство «ЖЗЛ», серия «Платон дороже, чем Луи Виттон», 2018. – (офсет, кожа, золотое тиснение).

А также «Монолог Зинаиды Михайловны о консервировании овощей». – М.: Издательство «СадОгород», 2018. – 114 с. (мягкая обложка, дорожный формат).

Последняя книга – бонус за покупку двух первых (но только если ты закажешь их прямо сейчас! Звони: 8 880 333 754 222), опубликована она под редакцией уже знакомого нам шеф-повара, так как именно он оказался тем славным рыцарем, который спас Зинаиду Михайловну от Любани, а может быть, Любаню от Зинаиды Михайловны, а точнее, спас их обоих от солёного помидорчика в сахарном желе, который стрелой направился к ним невесть откуда. Кто метнул маринованный снаряд – сказать трудно, в помещении царил полумрак, известно только, что в этот момент Стефанида Потомственная попросила поднять ей веки, а поскольку рядом с ней находилась только одна стилист, да и то к концу дня ослабевшая, то она приоткрыла ей лишь один глаз, в руках же у таролога блеснуло нечто круглое, может быть, магический шар, а может быть, и помидорчик. Сам же повар всё то время слушал Зинаиду Михайловну и Любаню с от-

крытым ртом и – ...эээээээ... да... Ворвавшись в рот шефа, помидорчик, однако, не стал там задерживаться, а направился непосредственно в гортань, где – какая досада! – застрял.

– Капуста не пуста, сама летит в уста! – Подскочила к бе-
долаге Зинаида Михайловна, которая, надо отдать ей долж-
ное, за диалогами не упускала шефа из виду.

– По... по... по... – хрипел тот, желая, видимо, исправить «капусту» на «помидорчик», но наша уважаемая философ молниеносно обхватила его со спины и несколько раз тряхнула, метровый накрахмаленный колпак при этом обречён-
но нырнул в пиалу с томатным соусом.

– Была и капуста, а стало пусто! – тут-то Зинаида Михай-
ловна и разразилась монологом о консервировании овощей,
который повар благодарно выслушал.

Тем временем ПЗС, к которому примешалась энергия шеф-повара (выскочив, помидорчик освободил дорогу его горловой вишудха-чакре и та брызнула фонтаном), обрёл максимальную динамическую силу, благополучно покинул мезосферу, на всех парах промчался по термосфере, по хо-
ду одарив кусочком счастья уставших работников МКС, со-
вершавших свой горизонтальный полёт вокруг Земли, но на
границе термосферы и экзосферы ПЗС неожиданно замер и
уже не двигался ни туда ни сюда, как если бы встал на пау-
зу. Так, бывает, безнадёжно зависает фильм, транслируемый
онлайн, хотя ты в тщетной надежде сдвинуть его с места лу-
пишь по всем возможным кнопкам что есть мочи.

Глава 11

В которой объясняется, как составлять рифмы, а появившийся неожиданно высокий поэтический образ объявляет пертурбацию

Сейчас... сейчас приоткрываю... Тяжёлый, э, не для моей спины и не для моей ушибленной коленки (ты помнишь, мне пришлось слететь с крыла?), но, может быть, хотя бы небольшой кусочек для взора твоего смогу открыть, чтоб не подумал ты чего... Хотя бы чуточку мне удалось раздвинуть шторы, пока с тобой веду я разговоры... Ах, мой друг, прости! Всё увлекаюсь стихотворным ритмом, утраченным в синхронном переводе, но прежде в изобилии разлитом... Сейчас я выйду из него... М-да, пожалуй, так. Ещё секунду! Здравствуй, проза!

Итак, мой друг, картина, что открывается тебе через небольшой лаз, образованный моей неудачной попыткой открыть занавес полностью, может показаться идентичной тому, что происходило в предыдущей главе, а между тем прошло две с половиной недели, с тех пор как ЖЗЛ обосновались в Дубае. На золотых лежаках, завершив свои спа-процедуры, по-прежнему восседали представительницы ЖЗЛ,

включая Госпожу, которая не член ЖЗЛ, а также Зинаиду Михайловну, случайно ставшую членом ЖЗЛ, не являясь ЖЗЛ по сути. Стилист, визажист, фотограф, Эксперт по трём «Э», астролог и кардиолог, притулившись на дальнем топчане, тихонько рубились в «дурака», Стефанида Потомственная, облюбовавшая ещё в первый день тренинга пуф в уголке напротив, застыла всё в той же безмятежной позе, порою изо рта её вырывались хриплые протяжные трели, которые, впрочем, обрывались так же резко, как и возникали. Лайф-коуч готовилась к медитации, повар вместо трубадура оттягивал струны на гитаре.

– Я замечательный, – начала наконец коуч медленно, монотонно, нараспев, с хорошо читаемой усталостью в голосе, прикрыв глаза и сложив вместе большой и средний пальцы на обеих руках, – я замечательный... в высшей степени достойный человек... я достоин всего самого лучшего...

– А в женском роде можно о себе говорить? – уточнила Любаня.

– Женщина – тоже человек, – отвечала коуч, – я дарю себе любовь... я дарю себе весь мир... я принимаю все блага, которые даёт Вселенная... мой день полон радости и счастья... я всё ближе к построению своей собственной реальности... энергия здоровья, успеха и изобилия открыто и свободно течёт ко мне... я принимаю неистошимые потоки денежной энергии, здоровья, счастья, изобилия...

Тут у Зинаиды Михайловны загудел телефон, но она не

стала брать трубку, и даже когда звонки повторились ещё пять раз, не ответила.

– Мне очень импонирует, – заметила коуч, – импонирует, что вы игнорируете звонки своего мужа, давая ему возможность подумать о вас, подумать о своём безобразном поведении по отношению к вам, ему нужно осознать, что жизнь без вас тяжела, безотраднa...

– Так ведь дорого, – вздыхала Зинаида Михайловна, – два слова скажет, а тыщи нет.

– Медленно поднимите руки над головой, – продолжила коуч, – раскройте ладони вверх. Представьте, как в ваши ладони падают самые разнообразные подарки судьбы...

– А пусть он к вай-фай подключится! – посоветовала Любья Зинаиде Михайловне.

– Да разве он соображает, дед мой, горе луковое, про какой-то вай-фай, да и телефон у него допотопный...

– ...Ко мне приходит столько денег, сколько мне нужно, а нужно мне столько, чтобы с запасом хватало на высокое качество моей жизни...

– Запас – это для подстраховки? – уточнила Госпожа.

– Да, – отвечала коуч, всё ещё держа ладони кверху, – мало ли, все под Богом ходим... Комфортное уютное жилище... качественная пища в достаточных количествах... достойный гардероб... все необходимые средства заботы о себе... те виды отдыха, которые для меня привлекательны... Приняв дары, медленно проведите ладонями по лицу, будто

умывается...

Тут пикнул телефон Госпожи – сообщение. Зарина, наспех «умывшись», схватила трубку: «Дима Дима приглашает нас с тобой на день рождения своего гольф-клуба. Завтра. Полина».

Надо признаться, мой друг, к концу двух с половиной недель все участники сессии успели изрядно притомиться. Медитации, визуализации, обужины и спа-процедуры стали для наших героев той обыденностью, повседневностью, теми серыми буднями, что мы обычно величаем прозой жизни, потому мне и пришлось перейти от стихов к прозе.

А ведь, что ни говори, любовь к рифме продолжает теплиться в каждом из нас независимо ни от какой рутины и выражается порой самыми замысловатыми путями. В самом деле, существует множество способов проявить свой поэтический дар, не изъясняясь при этом стихами, и сейчас я поведаю об одном их таких методов, для которого потребуются: время, фантазия и деньги (хм... хотелось бы сказать «немного», но поэтический дар, в особенности большой поэтический дар, требует больших вложений).

Может быть, ты слышал, как говорят «ваша чёрная юбка-карандаш отлично рифмуется с белой водолазкой» или «ваша голубая рубашка идеально рифмуется с вашим серым костюмом в синюю полоску»? В этих случаях и вправду создаётся точнейшая, безукоризненная рифма, однако она так же банальна, как «розы – морозы», «любовь – кровь», так

же проста, как «зяблики – яблоки», «кулаком – молоком», «больно – довольно». Прimitивную рифму представляют из себя и такие привычные комбинации, как шорты – футболка – сандалии – бейсболка; вечернее платье – лодочки – высокая причёска; джинсы – пуховик – кроссовки; пиджак – галстук – брюки, а также цветовые сочетания по типу розового с кремовым, синего с голубым, чёрного с белым, красного с чёрным и так далее. Эти комбинации, мой друг, очень просты, а простота, как известно, лишь половина спасенья, нам же, напротив, необходимо спастись от простоты. Попробуем усложнить поэтическую задачу и срифмовать алое вечернее платье с жёлто-зелёным спортивным бомбером. Может показаться, что данное созвучие диссонирует, на самом же деле оно переходит в ранг высокого искусства, когда два слова, произнесённые отдельно, не составляют рифму, но в контексте произведения именно рифмой и являются. Например, пара «хитр – духи». Вот если к вечернему платью добавить меховую горжетку, получится «хитр – литр», а если бомбер – «хитр – духи», звучащие весьма гармонично в контексте:

«... Любовницу щиплет,
Весел и хитр.
– Вот это
подарочки Сонечке:
Вот это, Сонечка, вам на духи.
Вот это вам на кальсончики...»

Если к этому же вечернему платью надеть лодочки на каблуке, получим «алый – малый», если кроссовки – рифма усложняется и будет звучать, как, например, «алый – умчалю»:

«...Лишь раз гусар, рукой небрежную
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною,
Скользнул – и поезд в даль умчалю...»
Так мчалась юность бесполезная...»

– и так далее...

Дерзко рифмуем спортивные штаны с серебряными лампасами и хлопковую блузу в рюшах:

«...Перегородок тонкорёбкость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
(заметим: не «тонкорёбкость – область»!)
И как предмет сечёт предмет...»

Поверх шерстяного пальто – халата надеваем пуховик в стиле «милитари», получаем рифму более заковыристую, чем «грядущим – зовущим»:

«...Гражданин второсортной эпохи, гордо
Признаю я товаром второго сорта
Свои лучшие мысли, и дням грядущим

Я дарю их как опыт борьбы с удушьем...»

Если ты, мой друг, являешься представителем мужского пола и в офис носишь брюки под пиджак, то есть банальные составляешь рифмы, по типу «камень – парень», то попробуй сменить брюки на юбку. Галстук, рубашку и пиджак оставь. У тебя получится созвучие куда интереснее:

«...На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда...»

И вот ты уже и не заметил, как стал великим поэтом и на тебя слетаются любители поэзии, то есть стрит-стайл-фотографы. Но мы обошли вниманием размер рифмованных сочинений, имеются в виду не XS, S, M, L, XL, XXL и тому подобное, хотя национальные шкалы размеров – русская, итальянская, французская, американская и прочие – всё же требуют понимания, как они соответствуют друг другу, – мы рассматриваем ритмику стиха, то есть ямба, хорей, амфибрахий и дактиль. Для того чтобы лучше разобраться в теме, разделим части тела на слоги, где голова – первый слог, шея – второй, грудь – третий, талия – снова первый и так далее, кроме того, вооружимся понятием «акцент» вместо «ударения». Так вот, если причёска, рубашка и брюки – акцентные, то есть выделяются больше кулона, ремня и ботинок, – это

хорей. Если внимание прежде притягивают цепочка, ремень и туфли (вариант: ожерелье, пояс и сумочка) – это ямб. Если акцент падает одновременно и на серьги-каффы, и на чокер, и на бомбер – это ямб со спондеем, если акцент начинается лишь с рубашки – это хорей с пиррихием. Если серьги-каффы выполнены в стиле позапрошлого века – это амфибрахий. А когда акцент делается сначала на верхнюю часть – заколку для волос, ободок или диадему и только потом на водолазку или блузку – это дактиль. По мере усложнения рифм делается более навороченным и размер.

Поэтому, когда наконец объявилась по завершении многодневного шопинга, то есть поэтического марафона, запыхавшаяся Рындина, то она представляла собой высокий и очень оригинальный поэтический образ. Во-первых, каблуки – двенадцать сантиметров! Во-вторых – шорты. Короткие блестящие шорты. В-третьих, муза, пардон, блуза с широкими рукавами, сплошь покрытая розовыми страусовыми перьями, в-четвёртых, чокер – с бриллиантом посередине, в-пятых – корона! Огромная позолоченная корона Дольче Габанна в самоцветах и стразах. В общем, это был бомбический, пардон, ямбический спондейный образ, весь в перрихиях, в котором присутствовали и амфибрахий, и дактиль, и в нашем случае ещё и птеродактиль.

Рындина одним махом раздёрнула шторы и, влетев в помещение, какое-то время молча рассматривала членов ЖЗЛ, затем резко развернулась и принялась махать руками тем,

кто следовал за ней, причем, когда она взмахнула правым рукавом, – разлились реки вина, а когда левым – поплыли по ним лебеди.

Наша компания, закончив медитацию, лениво возлежала на топчанах, и даже когда томную атмосферу нарушила взбудораженная Рындина, пустившая по винным рекам лебедей, Зинаида Михайловна, Госпожа, Любаня и сопровождающие их ассистенты, включая, кстати, и повара, равнодушно (а некоторые с отвращением) посмотрели на птиц – за это время было съедено столько жареных павлинов и выпито столько вина, что любой намёк на продолжение банкета вызывал у участниц тренинга чувство, близкое к страданию. Лица наших героев вытянулись, однако ж, в изумлении, когда юноши один за другим стали вносить многочисленные бумажные пакеты чистой поэзии.

– У нас... эвакуация? – медленно произнесла Зинаида Михайловна, с усилием приподнимаясь с ложа, хотя в глазах её мелькал живой испуг.

– Пертурбация! – отрезала Рындина.

«Пертурбация», если мы заглянем в толковый словарь, помимо расстройства, смятения и нарушения принятого порядка, означает также астрономическое отклонение в движении небесного тела, вызываемое притяжением других небесных тел. Иными словами, Рындина коротко описала текущую ситуацию с ПЗС, когда тот всё ещё недвижимо висел на прежнем месте, но МКС, пролетавший ниже с периодически-

стью раз в девяносто две минуты, заметно колебал его устойчивость, так что ещё немного – и Положительный Заряд Счастья вернулся бы назад к своим обладательницам, миссия была бы провалена.

– Пертрубация! – напористо повторила Рындина, видя растерянность напарниц. – Седлаем коня!

Все обрадованно закивали головами, в особенности Госпожа, которая хотела скорее отделаться от лучшей подружки Пассии, а также успеть на мероприятие Димы Димы, все вскочили с мест и побежали в номера паковать вещи. Быстрее всех неслась лайф-коуч, за ней, приваливаясь на одну ногу, трусила Зинаида Михайловна, приговаривая «назвался ананасом – полезай в шампанское», за Зинаидой Михайловной поспешали Зарина с Любаней, позади них вышагивала царской поступью Маруся Первая Рындина, а за Марусей Первой тянулась вереница носильщиков, сгибавшихся под тяжестью неупорядоченных рифм.

Когда же пакеты Рындиной (тщательно ею пересчитанные) выстроились наконец у трапа самолёта, стало понятно, что их количество вытесняет стилиста, визажиста, фотографа, астролога, кардиолога, Эксперта по трём «Э» и даже лайф-коуча.

– Не люблю шопинг, – извинительным тоном проговорила Маруся Первая, поправляя выбившуюся из-под короны прядку волос, – не люблю, вот клянусь, но надо.

– Та же фижня, – подхватила стилист, которой в конечном

счёте пришлось брать билет на регулярный рейс и лететь на следующий день вместе с другими сопровождающими.

Что касается Стефаниды Потомственной, то её отправили компанией-грузоперевозчиком, хотя главный менеджер отеля и предлагал тарологу остаться у них в качестве украшения, так как угол, облюбованный ею в течение двух с половиной недель, теперь осиротел и выглядел оглушительно пустым. Мне же, друг мой, удалось незаметно пристроиться между пакетами Prada и Gucci, на счастье, огромными.

На Дубай опрокинулась смоляная ночь, когда бизнес-джет с Рындиной, Госпожой и Зинаидой Михайловной на борту оторвался от земли. Море, разлившееся под ним, такое же чёрное, как безжизненное небо, будто проваливалось в бездну, и эта бездна вдруг рассыпалась мириадами огней, пылающими ярче звёзд, словно небо и земля поменялись местами, но вот померкли и они, растворились в бездонной тьме, как постепенно гаснут вспышки салюта большого праздника, самолёт набрал высоту. Маруся Первая отстегнула ремень, бойко поднялась с кресла и, крикнув стюардессе «шампанское!», принялась осматривать пакеты, а из иных вытаскивать содержимое, чтобы прикинуть возможные комбинации и образы, то есть занялась рифмоплётством. И вот тут-то Положительный Заряд Счастья, налившись энергией Маруси Рындиной, которая мощным целенаправленным потоком потекла к нему прямо из стратосферы, оторвался наконец от края термосферы и пулей направился в экзосферу, откуда

начал распространяться вдоль своей орбиты, окутывая земной шар.

Глава 12

В которой Полина совершает подвиг, Дима Дима чихает на общество, а Генрих IV теряет голову

Дима Дима был бодр, свеж, весел, разве только отяжелевшие мешки под глазами выдавали недавние его кутежи, усы, чуть вздёрнутые с краёв, придавали лицу выражение расположения и на этот раз блестели не глянцево, а матово. Борода была чуть короче обычного и слегка – как если бы накинули на неё тончайшую паутинку – посвёркивала светоотражающими частицами укладочного средства. То же наблюдалось и на бакенбардах. Одет он был в бледно-розовую рубашку, которая едва не хрустела, до того была свежей, мелкий крапчатый рисунок, который при ближайшем рассмотрении оказывался крошечными единорожками, вызывал желание потискать их обладателя и даже немного посюсюкать с ним. Впрочем, волшебные лошадки паслись лишь на треугольнике, поверх тёмно-коричневой жилетки, да на манжетах, выглядывающих из-под вельветовых рукавов густо-песочного пиджака, который составлял весьма благородное сочетание с темно-синими со стрелкой брюками. Что и говорить, образ Димы Димы не имел ничего общего ни с бразильской фазендой, ни – Боже упаси – с викингом, на этот раз он представ-

лял из себя замысловатую комбинацию русского монархиста и британского хипстера, где 97,6 % принадлежали монархисту, а оставшиеся 2,4 % – хипстеру, коего атрибуты были единорожки и укладочное средство. Говорил Дима Дима на чистом русском, если не считать время от времени повторяющегося «оке», что в массе от общей речи и должно соответствовать 2,4 %, если бы кто-то взялся вывести такое соотношение.

– БА! – воскликнул Дима Дима, завидев Зарину и Полину с сыновьями у раздевалки. – Кого вижу! – Он кинулся целовать обеих по традиции три раза, смачно чмокая своими мясистыми, как у молодого телёнка, губами. Отцеловав барышень в щечки, он нежно притянул к сердцу их запястья, посылая при этом что-то вроде воздушного поцелуя, и, покончив с приветствиями, принялся помогать с верхней одеждой.

– И мальчишек взяла? Оке, оке, – приговаривал он, ловко подхватывая пальто и отвешивая сыновьям Полины дружеские подзатыльники, – ну-ка, бегом к приятелям!

Мальчишки ускакали в игровую.

– Дима Дима, до чего хорош! – воскликнула Полина, обращившись к подруге.

Зарина охотно кивнула, её широкая улыбка адресовалась хозяину праздника, но взгляд уже скользил по гостям: Завьялова с мужем, Шаховская, два брата-акробата Хавкины, Борисовы, Кошечкина, Рапанов – почему-то один, Гуськовы, Гребенёва... уффф. Пассии не видно, и – к великому облег-

чению – её ближайших подруг. Ан нет! Всё-таки припёрлась – Рындина, надо полагать, вся в обновках, в волосах её поблёскивала изящная диадема.

Госпожа, в расклешённых бордовых брюках с высокой талией, блузке с крупным цветочным орнаментом и пышным бантом, с замшевой сумкой, отороченной длинной бахромой, вошла в охотничий каминный зал, приспособленный для мероприятий, и увидела ещё большее количество людей, всех с наскока и не разберёшь, но в основном лица знакомые. У фуршетного стола то и дела мелькали фигуры, которые, впрочем, наполнив тарелки, рассыпались каждый по своим местам – кто-то спешил к большому дивану у камина, кто-то занимал угловые зоны с креслами и столиками, некоторые предпочитали общаться стоя, они же первыми замечали вновь входящих, едва те вырисовывались из арочного проёма.

– Зарина! – от фуршетной группы отделилась Кошечкина и направилась к подругам, игриво подёргивая плечами под еврейский квартет, исполнявший на баллюстраде свои народные хиты. – Какие загоревшие! Откуда? – Кошечкина выставила губы для поцелуев.

– Дубай, – приветливо ответила Госпожа, расцеловываясь с Кошечкиной, – на восточном фронте без перемен. А тебя где носило? – Зарина поспешила задать встречный вопрос, чтобы избежать дальнейшего любопытства насчёт Дубая.

– А мы на этот раз на Мальдивы, и, представь себе – по-

пали в дожди!

В этот момент подтянулась Полина в сопровождении Димы Димы. Последний, вручив дамам шампанское и изобразив несколько шуточных кульбитов под плясовую, поспешил ко вновь пришедшим, топтавшимся у гардероба.

– Она была на Мальдивах, – Зарина указала на Кошечкину, – и попала в дожди!

– Ливни! – подтвердила та.

– Вот! – обрадовалась Полина. – Всё-таки я правильно сделала, что туда не полетела. Девочки, на Маврикии хорошо, отелей только нормальных нет, но ради мальчиков... пробовали сёрфинг...

– Нет-нет-нет, не моё точно, – Зарина припомнила картину, когда, чтобы угодить Любимому, снова и снова залезала на доску, бухаясь то и дело в воду, и ветер утюжил парусник, не давая ему подняться, долго потом Любимый потешался над ней за дружескими ужинами.

К девушкам присоединились другие собеседницы, так что их стало шестеро, решено было разместиться на креслах. Обсуждали новости, из которых номером один была покупка Рапановым автомобиля для любовницы. Рядовой вышел бы случай, если бы его не запалила жена. Дело в том, что машина, украшенная лентами, бантами и плюшевыми зайцами, по ошибке была доставлена супруге, а та, увидев документы на другую женщину, потребовала развода с дележом имущества. Полина с Кошечкиной горячо вступились за супругу,

тогда как Зарина сочувствовала любовнице, но под натиском настоящих и бывших жён вынуждена была придержать своё мнение. Перешли к Ляховским, те организуют масштабную вечеринку на своей итальянской вилле, Госпожа отметила про себя, что все, по-видимому, уже приглашены и она, Зарина, не в их числе. Далее шли новости по списку: Челихин продаёт бизнес, сёстры Тоговы, напротив, начинают свой, модельер BDG777, диджей по совместительству, открывает именную бутик в Дубай-молле (наконец-то), хахаль Рындиной заигрывает с юной моделькой, которая встречается с теннисистом, который в свою очередь даёт уроки тенниса хахалю. Услышав новость про Рындины, Зарина так и эдак пыталась выяснить что-то про Пассию и Любимого, но как ни осторожно подходила она к теме, узнать ничего не удалось. Её интересовало, будут ли они на вечеринке в Италии, иначе почему она, Госпожа, даже не слышала о готовящемся мероприятии, но подруги, сообразив, что Зарина не в списках, замялись.

Надо отметить, что почти все герои сплетен, включая, Рындины, находились тут же, на соседних диванчиках и периодически слали компании Зарины приветствия. Сама же Госпожа стала несколько рассеянной – она находилась во власти печальных дум относительно Италии и, как ни старалась демонстрировать заинтересованность в различного рода новостях, в голове её то и дело крутились образы с вечеринки, как если бы она уже состоялась. В какой-то момент

Госпожа и вовсе отстранилась от беседы, она снова принялась рассматривать гостей, а те в свою очередь рисовались ей не в пространстве гольф-клуба, а в интерьерах итальянской виллы: вот они на вилле выпивают, вот на вилле танцуют, смеются на вилле, и смеются не просто так, а над ней, Зариной, и Госпожа чувствовала, как неприязнь ко всем этим людям разливается в ней соком недоспелого лимона, так что на лице её появилось почти страдальческое и в то же время брезгливое выражение. Между тем Дима Дима снова скрылся за арочным проёмом и, хотя вечеринка была в самом разгаре, вышел оттуда с новым гостем, на этот раз новым во всех отношениях – это был абсолютно не знакомый мужчина, одетый в узкий питоновый жакет, и, несмотря на большое количество модников среди приглашённых, жакет этот выделялся своим нарочитым змеиным принтом и какой-то кричащей остромодностью, нелепой в сочетании с его интеллигентной физиономией. К тому моменту, как этот странный человек появился, лицо Зарины, так бесхитростно отображающее мучительные душевные процессы, приняло почти свирепое выражение, и теперь взгляд её, подобно японскому ножу магурокири, вонзился в незнакомца, вырезал его по контуру и вставил всё в тот же средиземноморский интерьер. В её фантазиях этот нелепый питоновый гость заявился на итальянскую вечеринку в числе избранных, тогда как она, Зарина, вынуждена довольствоваться днём рождения гольф-клуба. К ужасу своему, Госпожа обнаружила, что под жаке-

том этого пижона скрывается тёмная рубашка с нарисованными на ней лимонами, и эти пупырчатые светофорные цитрусы будто сигналили ей: «Приготовься!» К чему – Зарина не знала, но уже чувствовала в себе силы совершить что-то демонстративное: либо громко покинуть клуб, оставив их всех на вилле, – пусть радуются! Либо разбить пустой фужер от шампанского, так чтобы осколки взлетели до потолка и обсыпали всех вместо конфетти, либо плюнуть в смеющиеся лица, при этом кандидатурой на разовый залп назначалась Рындина в своей диадеме, но утереться должен был весь бонд...

Последний сценарий имел все шансы осуществиться: от вида лимонов у Госпожи накопилось столько слюны, что если бы Полина не подала Госпоже новый бокал шампанского, а та не отпила бы из него глоток, достаточно большой, чтобы смыть и саму субстанцию мести и намерение её использовать, то обществу пришлось бы на себе испытать, что такое девятый вал Айвазовского. Но Госпожа сделала глоток (о, Полина, твой тихий подвиг воспет!) и улыбнулась своей фирменной улыбкой, получившейся ещё более фирменной и лучезарной, чем обычно, так что остаётся лишь сожалеть, что в этот момент не было сделано селфи или иной портретной съёмки, набравшей бы – вне всяких сомнений – не менее ста тысяч лайков и ещё пятьсот сверху. Внезапная перемена в лице подруги – от горя к радости, от ненастья к теплу – вдохновила Полину на следующий тост, и второй гло-

ток, выпитый Господой за «прекрасный вечер с прекрасными людьми», закрепил успех первого. Однако краем глаза Зарина продолжала следить за Димой Димой и незнакомцем. Те прошествовали к камину, где заседала мужская компания, настолько весёлая и громкая, что их оживлённая речь и взрывы хохота вызывали анаболические вибрации в две тысячи четыреста пятьдесят баллов по шкале Дэвида Хокинга, так как транслировали радость (540 баллов), храбрость (200), готовность (310), гордость (175), принятие (350), желание (125), логику (400). Вибрировали также навесные потолки, пол и плинтусы. Разговоры велись об охоте, рыбалке, сафари, гольф-полях, теннисных турнирах, далее обсуждались планы на зимний отдых. Фигурировали французские Межеф, Куршевель, Вальморель, Вальгардена, Валькларе, швейцарские Санкт-Мориц и Церматт, а также австрийский Ижгль, немалая группа собралась в Сочи, одна парочка – на Карибы, другая – в Майами, затем немного поговорили о кредитах, биткоинах, гражданствах, потом коснулись искусства (несколько раз до Зарины донеслось «Антиб утром», что, скорее всего, относилось к картине Моне), но полностью проигнорировали чистую поэзию. Несмотря на отсутствие последней, кто-то всё же предложил разжечь камин, скорее всего, идея исходила от нового гостя, так как именно он стал забрасывать поленья и раздувать огонь. Еврейский квартет тем временем покинул свой пятачок, уступая место диджею, а поскольку тот располагал более, чем кто-либо, к диджести-

вам, то Дима Дима направился к бару, где в ожидании своего выхода толпились бутылки коньяка, виски, егермейстера и прочего десерта.

– Девчули! – гаркнул Дима Дима, остановившись у диванов, где расположилось знакомое нам женское общество. – Бойцы! – добавил он, обращаясь к прочим гостям. – Поступило предложение (тут в речи Димы Димы появился лёгонький французский акцентик, навеянный разговорами об искусстве) объединить наши сидушки, мля, и создать общий, так сказать, аэродром!

Предложение было с радостью подхвачено, и вскоре все перебрались к камину. Зарине досталось большое уютное кресло рядом с огнём. Жар от камина, отсветы пламени на лицах гостей, факелоподобные светильники и движения длинных теней на каменных стенах сделали своё дело – Зарине казалось, что она в средневековом замке. Синтетические пассажи диджея сменились вдруг размеренным пением ребек, фиделей и виол, разлилась сладкозвучная цитра, засвиристела флейта, сама Госпожа разлеглась на топчане в атласе и жемчугах, её окружали придворные дамы, рыцари и, что греха таить, принцы, поэтому, когда вдруг прозвучало имя Генриха IV, Зарина тут же представила короля Генриха IV сидящим в кресле неподалёку со скипетром, державой и алмазной короной, Госпожа даже приподнялась с кресла, чтобы рассмотреть его лучше, но увидела тучного Гуськова, который вёл разговор с Димой Димой. Тот выбирал напитки,

очарование французского акцента, хотя задача эта и посложнее, чем синхронный перевод!

«На кой мне голова какого-то Генриха (французский артикль м. р.), – сказал бы Дима Дима, будь его нос настолько же нечувствительным, насколько любопытным, – на кой (трата-та, ла-ла-ла), когда одна только моя башка (франц. арт. ж. р.) до того напичкана проблемами и заботами (франц. арт. ж. р.), что как тот горшок, не сумевший удержать манную кашу, так и моя голова уже не вмещает всех забот, а потому они обложили ещё и мои плечи, подобно лошадиному ярму (франц. арт. м. и ж. р.)».

Здесь мне пришлось восстановить несказанное, руководствуясь интуицией, равно как и желанием добавить сентенции литературного лоска, но вполне возможно – повторюсь – **ВПОЛНЕ** возможно, то есть вероятность этого «вполне» – один процент к половине, то есть я даю 51 процент тому, что всё вышесказанное Дима Дима заменил бы только французским артиклем женского рода. «На кой мне голова какого-то Генриха, – вполне вероятно сказал бы он, – мля».

– Да я имел в виду коньяк, черти, – заявил Гуськов. Он поднялся со своего места, тяжело и неторопливо распрямился и вышел к Диме Диме подхватить диджестивы. – Я коньяк имел в виду, самый дорогой в мире, Генрих IV. Два миллиончика долларов, только и всего.

– Ха! – воскликнул Димон, точно так, как говорят «ха» борцы сумо, укладывая на татами противника. – Ха, доволь-

ствуйтесь, господа хорошие, Хеннеси. ХО! – И он вручил Гуськову Хеннеси.

– А что с головой настоящего Генриха IV? – спросила одна барышня, заинтригованная репликой нового гостя.

– Да, правда, что с головой? – поддержали её прочие барышни, разделяя беспокойство за Генриха IV, хотя для них он был чужой человек и мало того абсолютно не знакомый, но женская сердобольность часто бежит впереди выгоды.

– Голова Генриха IV была похищена из Сен-Дени, когда в гробницу ворвались вандалы, это произошло во время восстания в Париже в 1793 году, – начал питоновый гость, игнорируя ужас, который явственно проступил на лицах слушательниц, некоторые из них с тревогой дотронулись до своих голов, но, убедившись, что те по-прежнему на месте, хорошенькие, легкие и в целом необременительные для туловища, успокоились. – Время от времени голова объявлялась в частных коллекциях. Последний раз в 2010 году. Провели, конечно, исследования, всякие там резонансы и анализы, после которых ученые признали наконец, что голова Генриха IV нашлась! Но, – добавил рассказчик, – говорят, впоследствии и эта экспертиза была отвергнута. Бедная голова так и покоится где-то, чей-то безызвестный дом стал ей приютом...

«Надо посмотреть ещё раз все коробки», – подумала Зарина, вспомнив о своих мраморных головах в гардеробной.

– Вы так увлекаетесь Францией, – заметила одна из членов

ЖЗЛ, суровая на вид пышнотелая дама, на что гость ответил, что ему интересна история в целом, а что касается эпохи Генриха IV, то он проходил её недавно со своими детьми.

– У вас очень любознательные дети, – заметила дама, – как только удаётся воспитать таких? Много у вас детей?

– Двадцать пять человек.

– Да что вы!

Все посмотрели на гостя с таким огромным уважением, а некоторые с таким неприкрытым любопытством, а иные с великим удивлением стали рассматривать его, так что гость стушевался и поскорее перешёл к многочисленным детям Генриха IV, из которых главным был наследник – Людовик XIII.

Гуськов, услышав имя Людовика XIII, предложил обсудить коньяк в его честь, но не тот, который можно встретить в дьюти-фри, а коллекционный.

– А всё же, – не унималась член ЖЗЛ, на корню вырубая предложение Гуськова, – откуда столько детей? Она надеялась, что оратор адресует вопрос себе, но в этот момент в разговор встрял Рапанов:

– Фаворитки, позволю себе заметить, – осторожно подсказал он.

– Да-да, вы правы! Фаворитки, конечно! И не одна...

Здесь пришла очередь Госпожи наострить уши.

– Расскажите! Расскажите, пожалуйста, что-нибудь о самой любимой из них, – попросила другая барышня, моло-

денькая актриса.

– Ну... – Питоновый гость понял, что публика не собирается его отпускать, тогда он удобнее расположился на диванчике, закинул правую ногу на левую, впрочем, тут же передумал и левую закинул на правую, несколько раз погладил подбородок, затем посмотрел вверх, собираясь таким образом с мыслями. – Ну... – гость сложил руки в замочек, – это, конечно, Красавица Габриэль д’Эстре.

– Дарил ли он ей подарки? – молниеносно спросил Рапанов, желая скорее перейти к практической части отношений с фаворитками.

– Естественно, – подтвердил рассказчик, – всё как обычно: титулы, поместья, бриллианты...

Он перечислил все титулы и все поместья и даже расписал платья, усыпанные драгоценными камнями, настолько роскошные, что ими до сих пор блистает историческая хроника.

– И что, жена не догадывалась об этом? – спросил Рапанов уже спокойнее.

– Не то чтобы догадывалась... Видите ли...

Тут проявили активность слушатели, так что вышла целая дискуссия, но как бы ни пытались некоторые из участниц словесной баталии выгородить жён, вывод напрашивался один: они смирялись с наличием фавориток и с их подчас огромным, как в случае с Габриэль д’Эстре, политическим влиянием.

Рапанов обвёл глазами присутствующих с торжеством, в

котором угадывалось достоинство короля, огромное и тяжеловесное, как Индо-Гангская равнина. Но как Индо-Гангская равнина покоится на Евразийской литосферной плите, так и гордость Рапанова была подпиралась ничем иным как страхом, ведь его подарок любовнице трудно назвать королевским – всего-то кроссовер в классической комплектации из тех, что были в наличии у дилера, что же касается поместья, то оно досталось возлюбленной от прошлого поклонника и имело капитализацию куда более внушительную, чем кроссовер. Но гости, склонные, как многие «хомо сапиенс», судить поверхностно, видели лишь то, что Рапанов горд, мы же, зная поднаготную, перечислим все слои пирога, начиная с его основания, и скажем, что Рапанов был страшно горд, к чему любовница добавила бы, что в эту минуту ещё и страшно красив, а супруга – что страшно озабочен, и это последнее качество она простёрла бы далеко за пределы минуты, охватывая ровно тот кусок времени, как в жизни её муженька появилась любовница. Какое-то время все три эпитета составляли прочную конструкцию тетраэдра, благодаря чему Рапанов сохранял свой чинный вид, но едва гость перешёл к супруге Генриха IV, а ею оказалась королева Марго, и описал, хотя и в общих чертах, её любовные похождения, рядом с которыми адюльтеры супруга казались детской шалостью, то красота и гордость, взяв друг друга под руки, потихонечку слиняли с рапановского лица, оставив только озабоченность.

– Но влияние Габриэль на короля, – заметил рассказчик, –

отнюдь не означало, что сам он не был себе на уме: наследника родила вторая жена – Мария Медичи.

– Бог мой! Куда же делась фаворитка? – не выдержала Зарина, в то время как Рапанов затянулся сигарой и, больше не проявляя интереса к разговору, погрузился в свои мысли.

– Отравили, – ответил питоновый гость, – король надел ей на пальчик обручальное кольцо, а сам, прямо в тот же день, попросил прислать ему портрет Марии Медичи... Финита ля комедия! М-да... а ведь Габриэль была беременна четвертым ребенком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.